

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й

Виктор Коллингвуд

Книга 1

Александр I Благословенный

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 1

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный. Книга 1 / В. Коллингвуд — «Автор»,
2026 — (Александр I Благословенный)

Ты недавно оказался в этом мире. Твою бабушку называют "Великая". Твой отец будет убит верными слугами, и они тотчас станут верными слугами тебе. Твои земли необозримы, власть безгранична, армия бесчисленна, враги непобедимы. Ты не хотел этого. Ты не готов! Но важно только одно. Каким именем назовут тебя через сотни лет?

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 1

Сегодня была война.

Силикат. Микрорайон «Силикат». Чудесное название для кучи коробок грязно-белого кирпича, штабелями расставленных на фоне батарей дымовых труб и бесконечных стальных лент автомагистралей. Порывистый ветер и мелкий дождь, успешно залетающий под зонтик, знаменуют начало многообещающего офисного дня. Как же это прекрасно — встать в полшестого утра, проглотить чай с бутербродом, и, торопливо напялив куртку с рынка «Садовод», через пронизывающий ветер и дождь по лужам скакать на работу! Несомненно, именно для этого я родился, рос, пять лет получал высшее образование. Решительно невозможно без корочек истфака торговать дифавтоматами и кабелем!

Поглощённый такого рода мыслями, я только миновал здание бывшей «Икеи», когда низкий, протяжный звук, разнесшийся над окраиной мегаполиса, прорезал холодный утренний воздух. Дикий, утробный вой сирены, буквально переворачивающий все внутренности, пронёсся над улицами, домами, накрыл бесконечные пробки на Дзержинке и Мкад. И что это за чёрт?

Поначалу замотанные в плащи прохожие, озабоченно преодолевавшие лужи по бордюрам и топким газонам, даже не обратили на этот звук никакого внимания. Мало ли, что там гудит, все уже привыкли. Но затем это завывание прорезал мужской металлический голос:

— **ЯДЕРНАЯ ОПАСНОСТЬ. ЯДЕРНАЯ ОПАСНОСТЬ. ВСЕМ ПРОСЛЕДОВАТЬ В УКРЫТИЕ!**

Вот тут-то народ на улице вдруг начал потерянно озираться по сторонам. В недоумении остановился и я. Это что такое? Уже несколько лет не смотря телевизор, узнавая новости урывками в строке браузера, я совершенно не разбирался в текущем положении дел. Жил, что называется, "вне политики", прям, как крестьяне лет так двести назад... Коллеги на работе, конечно, на перекурах говорили меж собой, что обстановка последнее время совсем паршивая, и можно всего ожидать, но, чтобы вот так вот...

— **ВСЕМ ПРОСЛЕДОВАТЬ В УКРЫТИЕ!**

Твою мать, да я согласен, согласен в укрытие! Только, скажите мне ради Бога, где оно тут? Нет поблизости ничего похожего! А если и было бы, я про него навряд ли успел бы узнать — первый месяц снимаю хату в этом районе! Аааа... Чёрт, да что же это такое!

Так. Так-так-так. Надо успокоиться!

Усилив воли оградив сознание от этого душераздирающего воя, останавливаюсь, пытаюсь взять себя в руки, сосредоточиться и принять верное... да ладно, хоть какое-то, решение. Куда бежать, если я тут ничего, кроме остановки и «Пятёрочки», не знаю? Хоть что-то похожее на бомбоубежище? Конечно, метро!

И я со всех сил припустил к станции «Котельники». Бросив бесполезный зонтик, перепрыгивая идиотские железные оградки, пробегая через застывшие пробки, я бежал мимо павильончиков и строек, среди стриженных кустиков и закрытых ларьков, не обращая внимания на лужи и лишь стараясь сберечь дыхание. Люди вокруг меня метались кто куда — одни бежали, в том же, куда и я, направлении, другие, наоборот, неслись навстречу мне, а кто-то просто оторопело стоял на месте, в экране смартфона пытаясь найти подсказку, что же теперь делать.

Задышавшись от бега, я пересек Кузьминскую, когда в небе что-то вспыхнуло. В изнеможении подняв глаза, я увидел в сером небе несколько инверсионных следов и прорезавшую тучи огненную вспышку.

— Сбили! — прокричал рядом бородатый мужик в тёмной куртке, тоже задравший голову к небу. — Противоракетой! Сбили одну!

До нас донесся гул разрыва, да такой мощный и насыщенный, что я невольно присел. В небо меж тем взмыли еще два дымных следа; до нас донёлся мощный, басовитый, низкий, продирающий до костей гул, переходящий в жуткую, низкочастотную вибрацию. С трудом взяв себя в руки, я бросился бежать дальше, сворачивая к Кузьминскому лесопарку.

Моё дыхание уже окончательно сбилось, когда, перебиваясь с бега, на шаг, я увидел вдали серые фермы ЛЭП и ленту Новорязанского шоссе. Вход в метро совсем рядом, но никаких сил уже нет! Вот не зря говорят, не бегай на войне — умрешь уставшим!

ШАРРАХ!!!

Ужасающий грохот слился с ослепительной вспышкой. Земля содрогнулась, да так, что я подлетел в воздух на добрых полметра. Асфальт подо мною вздыбился и пошел волной; в небо взлетели массы земли и целые деревья. Какая-то тяжеленная штука рухнула в парке, выбросив в небо тонны земли, и на какое-то время всё вокруг потемнело от дыма и пыли.

Когда я, наконец-то, смог оглядеться, над парком вздымался гигантский столб дыма, сквозь который пробивалось пламя. Так, это ещё не конец!

Собравшись с силами, я полу-шёл, полу-бежал в сторону метро напрямик, через громады домов, зияющих разбитыми окнами, мимо визжащих сигнализациями автомобилей. Из гигантских свечек только сейчас начали выбегать люди; кому-то, видимо, тоже пришла мысль спастись в метро. Задыхаясь, из последних сил я ринулся вперед, и....

Немыслимый, неземной бело-голубой свет затопил всё вокруг. Огромные здания передо мною исчезли, обернувшись блистающими тысячами огней рождественскими ёлками. Замолчали надоевшие уже сирены; все звуки, запахи, колебания воздуха вмиг исчезли, уступив место какой-то возвышенной, торжественной тишине. И для меня всё исчезло навсегда.

— Доброе утро, Сашенька! Пора вставать!

Эээ... «Сашенька». Когда я последний раз слышал такое?

— Александр Павлович, миленький, просыпайтесь!

Так, я, конечно, Александр, но совсем не Павлович, и давно уже ни для кого не «миленький»

— Просыпайтесь, Ваше Высочество! Время уже настало: пора вам вставать! Ваше Высочество!

Что? Какое «высочество»? Что за бред воспалённого разума? И кто это так осторожно, но настойчиво трясёт меня за плечо?

Медленно открываю один глаз, потом другой. Да нет, не может быть!

Закрываю и с надеждой открываю глаза вновь, но, увы, мне это не показалось: снова передо мною пламя свечи и лицо совершенно незнакомого человека, с вежливо-предупредительным выражением склонившегося над моею постелью. Ну, если это и есть обещанный рай, то ангелы тут одеваются ужасно старомодно! Какой-то сюртук, зелёного, вроде бы цвета, с рядами внушительных, тускло поблёскивающих в неверном пламени пуговиц, а под самым горлом — бантом повязанный галстук. Даже не так: *галстух*, ибо «галстук» кружевным быть никак не может!

— Я вижу, вы просыпаетесь! Извольте одеться быстрее: вскорости прибудет герр Бук. Как чувствовали вы себя ночью?

Вот что ему ответить? Как я «чувствовал себя ночью»? Да понятия не имею!

— Вы кто? — тупо спрашиваю его, пытаюсь выстроить в сонном мозге хоть какие-то правдоподобные версии происходящего.

Узкое лицо незнакомца вдруг тронула улыбка, а тёмные глаза его, поначалу казавшиеся испуганно-колючими, вдруг потеплели.

— Шутить изволите, Ваше высочество? Прекрасно: это знак, что вам полегчало! Ну, разрешите отрекомендоваться: Протасов, Александр Яковлевич, кавалер, при особе вашей состоящий, ко всем услугам!

И, шутливо-ёрнически поклонившись, аккуратно поставил подсвечник на низкий столик.

— Игнатьич сейчас прибудет, Ваше высочество, а вы пока извольте умываться и пройти до известных мест. И помните, Ваше высочество, что говорилось вам по поводу рук!

Странный тип удалился, негромко, но отчётливо стуча башмаками по деревянному поскрипывающему полу.

Вслед за ним в комнату, неся в одной руке подсвечник, а в другой — перекинутой через предплечье какую-то одежду, деликатно ступая на носки, взошёл пожилой человек в странной старомодной одежде.

— Доброго утра, ваше императорское высочество! Как почивали? — поклонившись, спросил он приятным, каким-то немного заискивающим голосом.

Я сел в кровати, отметив себе, — она твёрдая, и, на ощупь, какая-то влажная. Откинув тяжелое одеяло, сделал при этом сразу несколько открытий: что ладони мои худы и тонки, как у подростка; что одет я в длинную ночную рубашу, а на голове — колпак со свисающей кисточкой; и что в комнате довольно таки прохладно.

Тот, кого первый из вошедших назвал Игнатьичем, был одет в белый, распахнутый спереди кафтан, унизанный двумя рядами крупных блестящих пуговиц; из-под кафтана виднелся красного цвета сюртук, а на ногах — белые чулки и панталоны.

— Изволите сами пройти, Ваше высочество, иль прикажете сопроводить вас? — тем же вкрадчивым тоном спросил он, вновь слегка кланяясь.

— Пройти куда? — не придумав ничего лучшего, тупо спросил я.

— Известно же, в уборную, умываться, обтираться, да в ретирадные комнаты заглянуть, Ваше высочество!

— Знаете что, эээ... Игнатьич, вы меня проводите до дверей, а там уж я как-нибудь сам!

Взглянув на меня в несколько изумлённо, слуга, однако же, заученно поклонился, и открыл мне дверь.

— Пожалуйста сюда!

Сунув ноги в красивые, крытые бархатом туфли, я встал с кровати, сразу же поняв ещё одну вещь — тело, в котором я оказался, принадлежит даже не подростку, а попросту мальчику! Я ниже всех на две головы: этому самому «Игнатьичу» я оказался ровнёхонько по грудь! А еще, кстати сказать, здесь не «прохладно», а нешуточный холод!

По тёмному и загадочному, как египетская ночь, коридору слуга проводил меня к «уборной», и распахнул высокую дверь. Ёжась и дрожа, тощим ужом я проскользнул внутрь.

Здесь было заметно теплее, а в настенных подсвечниках уже горело несколько свечей. Высоченные потолки в этом небольшом помещении создавали странный эффект: будто бы я нахожусь внутри «колодца». На изящном, со старомодными гнутыми ножками, столике стояла бронзовая бадья, полная чуть теплой вода; в углу притулился рукомойник с чашей, полотенца, и ещё какая-то грубая ткань, а в глубине комнаты виднелась титанических размеров мраморная ванная и огромный шкаф. Слива для воды, как я понял, тоже не было — из рукомойника все стекает просто в ведро. Вот ведь, система...

Открыв дверку таинственного шкафа, вместо Нарнии я нашел в нём нечто, много более важное поутру — «отхожее место». Выглядело оно довольно-таки оригинально — деревянное, обитое крашеной кожей кресло, с отверстием в сиденье, где стоял вполне себе ординарный ночной горшок. Ну, надеюсь, меня не заставят его выносить!

Выходя из этого закутка (кажется, именно его и называют «ретирадным местом»), в зеркале я увидел себя. Ёлки-моталки! Худой, едва возвышающийся из-за стола пацан с вытянутым носом, серыми глазами и блеклыми бесцветными ресницами глядел на меня из не очень

качественного, покрытого тёмными пятнышками, зеркала. А стасив дурацкий, как у Карабаса, ночной колпак с кисточкою, я увидел длинные, как у девчонки, светлые волосы, на которых висели самые натуральные папильотки!

До чего же ужасное ощущение — вглядываясь в зеркало, видеть совершенно чужое лицо! Шизофрения, да и только! Несколько раз я закрывал и вновь открывал глаза; затем начал гримасничать, шевелить бровями, надувать щёки, внимательно изучая в зеркале свою новую ипостась. Всё ещё не веря глазам, поднёс поближе к лицу одну из свечей, рассматривая нового себя — мальчика, только лишь подступающего к порогу юности. Трудно сказать, сколько бы я еще тупил у зеркала, но острый запах паленой щетины привел меня в чувство. Слишком смело орудуя свечкой, случайно я подпалил себе локон! Приняв во внимание, что в волосах у меня ещё и бумажки, явно способные неслабо полыхнуть прямо на голове, я решил дальше не искушать судьбу и, сполоснув лицо и руки, (мыла, кстати, там не было), покинул «уборную»

Игнатьич ждал меня у дверей. В коридоре уже сновали какие-то люди в одинаковой одежде — они зажигали свечи в массивных золочёных подсвечниках, щедро развешанных по стенам. Служитель в зеленом камзоле и обсыпанном пудрою парике ловко зажигал их, поднося к фитилям свечей огонёк на длинном шесте; в его сноровистых движениях чувствовался многолетний опыт такой работы. Увидев меня, этот немолодой, седовласый человек глубоко поклонился, чем смутил меня несказанно.

— Извольте пройти одеться, ваше высочество! — голос Игнатьича вывел меня из оцепенения. Пройдя в открытую слугою высокую дверь, я в задумчивости присел на свою высокую кровать. Только сейчас я начал потихоньку осознавать, что словосочетание «Ваше высочество» употребляется ко мне не просто так. Для окружающих меня людей всё это очень серьёзно!

Итак, меня ждали рубашка из тонкого приятного полотна («батистовая», как назвал её Игнатьич), белые нижние панталоны, шёлковые чулки, белый, с разноцветной вышивкой, короткий камзол со множеством пуговиц, галстук, выглядящий как тонкий изящно завязанный кружевной шейный платок; затем длинный, до колен, бордово-коричневый бархатный кафтан и, как назвал их Игнатьич, «кюлот», то есть верхние, в цвет кафтана, панталоны. Слуга хлопотливо помогал мне, выпутывал из волос дурацкие папильотки, завязывал галстук, чему я был несказанно рад: мне самому одеть всё это в правильном порядке мне ни за что бы не удалось. Тут, кстати, я рассмотрел, что слуги здесь не так уж стары, а то, что принято было мною за седые волосы, в действительности — тщательно напудренные парики.

Одевшись, наконец, я перестал дрожать от холода, но по-прежнему терзался в недоумении, — куда же я, в конце концов, попал?

Определенно, это Россия. Об этом говорил и архаичный, но узнаваемый русский язык, и темень за окнами, и холод; нетрудно догадаться было, что на улице сейчас стоит зима. Конечно же, это восемнадцатый век: пудренные парики и камзолы совершенно неоспоримо это свидетельствовали. Но вот что это все, в конце концов, значит? Кто я? Что за молодой человек во дворце, окружённый слугами, обращающимися к нему «ваше высочество»? Не просить же мне этого Игнатьича: «Любезный, скажите ради Бога, — как меня звать?» И что за дворец? И вообще, это реальность, или какой-то предсмертный бред?

— Александр Павлович, вы готовы?

Я и не заметил, как вновь в комнате моей появился господин Протасов.

— Сейчас придёт герр Бук, освидетельствовать ваше самочувствие, и, если ваше и Константин Павловича выздоровление подтвердится, то после завтрака мы возвратимся в Зимний дворец. Игнатьич, зови!

Слуга вышел в коридор, откуда донеслось:

— Карл Христофорович, прошу вас, входите!

На пороге комнаты появился невысокий улыбчивый господин в палевого цвета камзоле.

— Guten Morgen, Eure Kaiserliche Hoheit! Wie geht es meinem ehrenwerten Patienten?

Вот зараза, немецкого-то я не знаю от слова «совсем»!

— Александр, эээ, Яковлевич, о чём он меня спрашивает?

Лёгкая тень досады легла на лицо Протасова.

— Государь мой Александр Павлович, что ж вы дурачиться поутру решили? Вы же знаете немецкий изрядно?

Со стыдом я вынужден был признаться, что всё не совсем так, переходя невольно на архаичные обороты собеседника.

— Я право не знаю, что со мною нынче случилось. Совершенно всё позабыл, как из головы вон!

Лекарь, меж тем, разложил на столике свои инструменты — серебряный щуп, стетоскоп, какие-то зеркальца и кучу других диковинных приспособлений.

С подозрением глядя на меня с выражением «а не смеешься ли ты надо мною, засранец», господин Протасов всё же перевёл:

— Карл Христофорович спрашивает, каково ваше самочувствие на утро сего дня!

Я попробовал вслушаться в себя. Самочувствие, как самочувствие. Может, некоторая слабость... хотя с этим незнакомым мне телом так сразу и не разберёшь!

— Да нормально... В смысле, я хотел сказать, Александр Яковлевич, что чувствую себя вполне здоровым. Преизрядно!

Протасов с медиком о чем-то заговорили по-немецки. Карл Христофорович взял меня за подбородок и, подведя к серому светлеющему окну, внимательно осмотрел лицо.

— Bitte zeigen Sie Ihre Zunge!

— Высуньте язык, Ваше высочество! — перевел мне Александр Яковлевич.

Проверив мне горло, (ожидаемо неприятная процедура, хотя и много лучше, чем с участковым терапевтом) Карл Христофорович затем о чем-то долго беседовал с Протасовым, делая записи в блокнот.

— Доктор Бук говорит, что положение ваше сложное, потому, надобно Вас покамест оставить тут, а их высочество Константин Павлович выздоровели, и будут перевезены сегодня же в Зимний дворец!

Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать! Тут рядом, оказывается, ещё какой-то Константин Павлович, и созвучие нашего отчества заставляет думать, что это некий мой родственник.... Очень, очень интересно! И оба мы, выходит, «Их высочества». А кто у нас подходит под такие признаки? Учитывая, что на дворе, видимо, 18 век, упоминается Зимний Дворец, вариант-то только один — Великие князья Александр и Константин, сыновья императора Павла!

Вот так ничего себе! Это, я понимаю, *поворот*!

Протасов, наблюдавший за выражением моего лица внимательными черными глазами, вдруг положил мне руку на плечо.

— Александр Павлович, простите меня великодушно! Я испытывал вас: чаял, станете вы возражать, слышав, что сказал медикус взаправду. Но, вижу теперь, что действительно вы неповинны, и в познаниях ваших и впрямь, случился престранный провал! Извольте встать снова, Карл Христофорович вновь осмотрит вас!

Вскоре почтенный то ли немец то ли австрияк вновь меня осматривал — щупал пульс, заглядывал за веки, слушал дыхание, используя потешную трубку с расширяющимся, как у пиратских пистолетов, концом. Затем они вновь долго говорили с Протасовым по-немецки.

— Герр Бук утверждает, что ничего опасного нет. Возможно, вы просто переутомились, и теперь после болезни испытываете известные трудности с памятьливостью. Должно быть, это пройдет. Мы едем после фриштыка в Зимний, там, должно быть, всё уже выветрилось.

— А что там выветрилось? — машинально спросил я.

— Миазмы и дурной воздух, повлекший заражение ваше оспою. Сейчас извольте пройти откушать в столовую, а далее мы едем в Петербург!

— А мы...гм...

— Что вы изволите спросить?

Я хотел спросить «где мы сейчас находимся», но вовремя осёкся. Так я, пожалуй, вместо Зимнего дворца попаду в «жёлтый дом»!

— Ничего, я передумал. Вы говорили про завтрак?

— Простите? Вы имели в виду фриштык?

— Ээ, ну да...

— Да, извольте пройти в столовую залу!

Мы вышли в коридор и Протасов повёл меня в «столовую». Лакеи на дверях предупредительно распахивали двери. Вдруг я почувствовал увесистый тычок в спину.

— Лексаха, привет!

Обернувшись, я увидел румяного курносого мальчонку на полголовы ниже меня, скалящегося, как маленький злобный мопс. Сопровождал его невысокий добродушный господин лет пятидесяти.

— Доброго утра, Ваше императорское высочество! – с заметным немецким акцентом приветствовал он меня. – Премного рад, что вы поправились! Теперь и вы, и брат ваш, великий князь Константин Павлович, в свои комнаты в Зимнем Дворце вернуться изволите!

Ааааааа! Великий князь! Великий, мать твою, князь! Это уже точно про меня!

Нет, определенно я сплю или брежу. Этот румяный задиристый типчик – великий князь Константин Павлович, мой братец! А я, выходит, не много ни мало, – Александр Павлович, тоже великий князь, цесаревич, и будущий император всероссийский, и Великая, и Малыя, и Белыя Руси, и прочее, и прочее....

В «столовой», огромной комнате с несколькими круглыми столами, нас ждали гренки и подогретый паштет, миндальные пирожные и смородиновый морс. Прислуживало нам несколько человек, важно стоявших вокруг стола с перекинутыми через руку салфетками. Тарелки мои с Константином оказались фарфоровые, с изображённой на каждой из них большой зеленой лягушкой.

Не особенно чуя под собою ноги, я бухнулся на обитый атласом стул с вычурно гнутыми ножками.

— Простите, Ваше высочество, – с неподдельным изумлением произнёс Протасов, – но как же молитва перед вкушением пищи?

Ах, ну да. Молитва. Надобно встать!

Протасов с серьёзным видом произнёс две короткие молитвы: мы в это время стояли и важно крестились.

Наконец мы уселись за покрытый белоснежной скатертью стол. Мопс Константин Павлович сразу бросился жевать и болтать одновременно.

— Что делал, Алекс? В койке валялся? А я вот крысу ловил!

— Поздравляю, – только и смог сказать я, подумав про себя, что для мопса, крыса – точно, завидная добыча.

— Чего мычишь? Мы в Зимний сегодня едем. Да, Карл Иванович?

Спокойный господин лет пятидесяти, стоявший за его спиной, коротким поклоном подтвердил слова моего юного визави.

— А здорово, что мы уже уезжаем – тут скука, солдатиков нет! А там, только приедем, давай сразу карей построим? Давай?

— Угу, – автоматически кивнул я, на что Протасов сразу сделал мне замечание:

— Не следует говорить с набитым ртом, Ваше Высочество!

Интересно, что воспитатель Константина почти не обращал на такие мелочи внимания, и тот вертелся, болтал ногами и языком, гремел вилками, в общем жил в свое удовольствие.

У меня же всё обстояло совсем по-другому! Стоило мне потянуться за гренкой, как Протасов закатил глаза:

– Что вы, Ваше высочество! Воспользуйтесь ножом! Вилку извольте взять в левую руку!

Со вздохом я переменял положение своих столовых приборов и кое-как закончил свой фриштык, оказавшийся, в целом, совсем недурным.

Затем слуги собирали наши вещи, в узелках и кулях таская их на улицу в грузовые сани; вперед послали нескольких всадников, предупредить о нашем приезде в Зимнем дворце и проверить, все ли в порядке по дороге.

Наконец, сани были поданы: в каждый возок сел лишь один юный пассажир со своим воспитателем. Мороз стоял, пожалуй, градусов, под двадцать, так что снег громко хрустел под санями, а лошадь, как косматый живой паровоз, выталкивала из легких белые струи пара, легким туманом окутывавшего наших возниц.

Солдат в полушубке и треуголке укрыл нас с Протасовым меховой полостью, и мы скоро понеслись в сторону Петербурга.

Я инстинктивно старался держаться как можно незаметнее и не привлекать к себе лишнего внимания. Но, любопытство меня пересилило:

– А как называется этот дворец? – рискнул все же спросить я у Александра Яковлевича.

– «Чесменский», – ответил тот. – Он, можно сказать, ровесник вам, Ваше высочество!

Долго ехали мы, скрипя полозьями. Дорога то петляла среди полей и перелесков, то выходила в населённую территорию, полную деревянными одноэтажными избушками, с трубами, из которых столбом валил белый дым. Где-то за нами шла целая кавалькада саней с разным нашим имуществом и слугами. Вскоре лицо моё стало замерзать; я начал тереть его рукавом шубы.

– Необходимо терпеть мороз и зной, Ваше высочество, так наказала нам, воспитателям вашим, сама государыня Екатерина! – назидательно произнес Протасов, но помог растереть мне лицо. – Вы же, как мне сказывал камердинер, опять сегодня не обтирались, ни холодной, ни горячей водою!

Тут только я понял, зачем в уборной стояли те бадьи с водой и ткань. Выходит, надо было намочить её и обтереть тело, сначала холодной, а потом и горячей водой!

– Нет, не обтирался, Александр Яковлевич. Я же ведь после болезни, неужели мне можно?

– Конечно, доктор не оставлял никаких указаний на сей счёт, значит, можно полагать, что на сей предмет всё остается по-прежнему! Впрочем, это ничего – по прибытии нашем в Зимний дворец мы всё наладим своим чередом!

Солнце уже клонилось к закату, когда мы въехали в Санкт-Петербург. Сначала нас встретила «застава» – аккуратный небольшой домик, несколько солдат на дороге коротали время у костра. Конный солдат переговорил с ними, и нас беспрепятственно пропустили, отведя в сторону рогатку.

Мы въехали в город. Справа и слева потянулись сначала деревянные, а потом уже и каменные строения, перемежающиеся со зданиями фабрик и мануфактур; тут и там над заснеженными крышами обывательских домов возвышались зелёные маковки церквей. Людей на улицах было немного, – женщины, укутанные в платки по самые брови, мужчины в синих и коричневых кафтанах, тулупах и высоких круглых шапках; весёлые стайки детей, в одну из которых мы, под крики и смех, буквально въехали санями.

– Чу, держи! – раздался за нами крик.

– А ну прочь! Не балуй! – сердито оглянулся наш кучер, и дети, пытавшиеся тихонько прицепить к нам свои санки, с веселым гомоном бросились врассыпную.

Наконец, мы стали подъезжать к центру города, приближаясь к центру.

– Давай по Невской перспективе! – крикнул возчику Протасов. Тот пустил лошадь рысью, так что сани бодро рванули вперед.

Дома вокруг становились всё богаче и выше, в два, а то и три этажа, и вот, мы выехали на широкую Дворцовую площадь... или то, что должно будет когда-нибудь стать ею. Слева от нас открылось Адмиралтейство, длинным блестящим шпильом пересекающая небо, над которым возвышались мачты корабля, справа же открылась бело-желтая, заиндевевшая громада Зимнего Дворца, за которым виделся тонкий шпиль собора Петропавловской крепости. Надо же... еду хоть и в дворец, а всё таки в «жёлтый дом»!

– К Салтыковскому подъезду! – вновь скомандовал Протасов, и возчик свернул к большому крыльцу с колоннадою прямо в середине фасада, над которым в морозном воздухе лениво развивался огромный белый флаг с вышитым черным двуглавым орлом.

Мы уже здорово замёрзли, и, миновав почтительных швейцаров, пулей вбежали внутрь. Тут, по неширокой мраморной лестнице с мощными каменными перилами поднялись мы с воспитателями на второй этаж, и через плохо освещенный широченный коридор добрались до своих комнат. Протасов поспешил узнавать насчет обеда, а мы с Костей и господином Остен-Сакеном остались в наших комнатах.

Оказалось, что мои личные комнаты все находятся по левую, а комнаты Константина – по правую сторону в огромном и длинном коридоре, называемом всеми «Темным».

Мои апартаменты состояли из большой прихожей, зала с балконом, находящимся посередине прямо над «Салтыковским» подъездом, и антресолей в глубине, полукруглое окно которых выходило в сам зал. У дальней стены была дверь в мою спальню, где я еще не успел побывать.

Не успел я толком оглядеться, как позвали нас на обед. Столовая наша с Константином помещалась на «моей» стороне Тёмного коридора – по совместительству это была и моя «приёмная». Пищу подали нам неожиданно простую – какой-то суп, который называли «консоме», рассыпчатую гречневую кашу с «прованским» маслом, на десерт подали чай и бриоши.

Вдруг дверь распахнулась, и в высоком проёме возник сухонький, очень сублильный господин в тёмно-зеленом полукафтани и красном камзоле под ним. На узком, покрытом пудрой лице выделялись крупные тёмные глаза и прямой, далеко выдающийся вперед нос. Несмотря на его скромный, вкрадчивый вид, по тому, как вытянулись вдруг почтительно наши «кавалеры», я понял, что это какой-то большой начальник.

– О, наконец-то! Дражайший Александр Павлович, моё почтение! Константин Павлович, очень рад! Вы выздоровели – вот счастье! Немедленно отпишу о том: и императрице, и августейшим родителям вашим!

– Николай Иванович, а она сейчас где? – с набитым ртом спросил Константин.

– Неделю, как проехали Смоленск; должно, подъезжают к Киеву! А оттуда по Днепру уж до самого Херсона!

Тут только я понял, что речь идёт про Екатерину II. Раз в эти дни она находится в пути, да еще и в Херсон – значит, на дворе зима 1787 года, а императрица только что уехала в знаменитую свою поездку в Тавриду. А мы, значит, остались в Петербурге.

– А батюшка с матушкой? – разбрызгивая зёрнышки гречневой каши по белоснежной камчатой скатерти, снова спросил Костик.

– Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Фёдоровна пребывают, как водится, в Гатчине, – с любезнейшей улыбкой ответил тот, кого братец мой величал «Николай Ивановичем». – Здоровье сестёр ваших пока еще некрепко; та же болезнь, что и ваша, поразила их, несмотря на все предосторожности. Оттого, Ваши Высочества, ближайшие дни их в гости не ждите: и самим вам ехать к ним тоже невмочно.

– А как называется наша болезнь? Я просто запомнил! – спросил я, ни к кому особенно не обращаясь.

– Ветрянка. И, я уже неоднократно указывал вам, Ваше высочество – отроку, прежде чем задать вопрос, сидючи за столом, надобно спросить разрешения! – заметил мне Александр Яковлевич.

Кавалер Кости, Остен-Сакен, почему-то не делал своему подопечному таких замечаний, но я решил с Протасовым не спорить.

– Итак, господа цесаревичи, теперь у вас будет свободных несколько дней. Пока отдыхайте после болезни, а там вновь возьмёмся за учёбу, – сообщил Николай Иванович. – Но, господа, отчего же столь скуден ваш стол? Позвольте прислать вам с нашей стороны тарт а ла Бадре и крем-брюлле!

– Да! Да! непременно! – заорал вдруг Костя и в восторге бросился лупить серебряной ложкой прямо по столу. Выглядело это столь дико, что даже флегматичный Остен-Сакен, переменявшись в лице, бросился его успокаивать.

– Ну, что же, – улыбувшись с видом, показывающим, что шалость Великого князя понятна и вполне извинительна, Николай Иванович с самым любезным видом слегка поклонился вновь, – рад видеть вас в добром здравии! Позволено ли будет с десертом прислать Коленьку и Серёжу?

– Конечно! Виват, Николя! – прокричал Костик, и носастый царедворец, продолжая благожелательно улыбаться, очень тактично и тихо нас покинул.

Первоначальный шок постепенно проходил. Вскоре слуги принесли подносы с бисквитным тортиком и чашки с «крем-брюлле». Последнее оказалось густым и сладким кремом, покрытым вкуснейшей карамельной корочкой. Не без удовольствия совместив одно с другим, я пришёл к выводу, что жизнь здесь, пожалуй, не так уж и плоха.

Закончив трапезу благодарственной молитвой, мы оставили слуг убирать столы и отправились в соседнюю «гостиную» комнату.

Это оказалась просторная комната, предназначенная для нашего с Константином обучения, но применяемой по большей части для игр. Стены в ней были покрыты белой камкой с большими разводами и изображениями зверей; вдоль стен стояли стулья, обитые шелковой желтой материей. В глубине находился такой же жёлтый диван и маленький полукруглый стол, покрытый деревянной мозаикой; две громадные круглые печи занимали оба угла комнаты, а между окнами помещался ещё и стол белого мрамора с позолоченными ножками.

В комодах у стен лежали наши игрушки, — деревянные лошадки, сабли, игрушечный домик, барабаны, и множество оловянных солдатиков; были ещё куклы Петрушки, арапа, турка, разные механические штуки, часть которых уже не действовала; посередине комнаты стояли деревянная горка и невысокие качели, вид которых, должно быть, сильно расхолаживал желание моего брата к какому-либо учению. После окончания уроков сюда приходил играть мой брат Константин. Явились также ещё двое мальчиков — Серж, постарше меня, и Николя, чуть младше Константина. Дети эти, как я догадался, были какими-то родственниками того носатого господина.

К моей несказанной радости, Костик и мальчики начали играть меж собой, что позволило мне сбежать в свою спальню.

Протасов было увязался за мною, но я попросил его оставить меня одного.

— Александр Яковлевич, я несколько устал с дороги, и после болезни ещё чувствую слабость. Право, идите лучше в помощь господину Остен-Сакену! Эти буйные господа явно его не слушаются! А я ту просто пока полежу!

— Хорошо, Ваше Высочество, в этот раз можете отдохнуть, но помните, праздность после обеда прескверно отражаются на фигуре вообще, а наипаче — на талии!

Наконец, я мог осмотреть и свою спальню. Как и все почти помещения в Зимнем Дворце, она имела несуразно высокий, под 6 метров, потолок. Комната была оштукатурена и расписана богатой живописью, фресками в античном вкусе по золоченому фону; такой же был и карниз; паркет великолепного рисунка был сделан из пальмового, розового, красного, черного и других видов тропического дерева. В глубине спальни находился узкий альков, украшенный колоннами из искусственного мрамора, по углам от него находилось сразу две полукруглые, как и в гостиной, изразцовые печи. Ещё в помещении имелось два больших трюмо: стояли они одно против другого, причем одно из них помещалось между окнами, другое же находилось между двумя арками алькова. Тут же имелись два дивана, упиравшиеся в печи; напротив стояло два шкафа, рядом с ними — две узкие одностворчатые двери. Одна из дверей, как оказалось, вела к «известному месту», другая в комнату, оканчивавшуюся большой стеклянной дверью, и предназначавшуюся для прислуги и хранения лишних вещей.

Несмотря на дикие вопли, раздававшиеся из соседней комнаты, что не в силах была сдерживать даже массивная дворцовая дверь, я почувствовал себя достаточно уединенным, чтобы обдумать спокойно моё положение.

Вихрь мыслей кружил меня. Перед мысленным взором складывались немыслимо-фантастические картины: полагаю, достойным эквивалентом в живописи им служили бы полотна Брейгеля, Босха или Сальвадора Дали. Итак, это не сон: я в Зимнем дворце, в теле будущего императора Александра Первого! Того самого победителя Наполеона, создателя военных поселений, либерала, крепостника, соучастника государственного переворота и отцеубийства.

Изумительно. Волшебно. Ох**ть...

Как я оказался здесь? Не знаю, возможно ли разгадать эту тайну... Почему совершенно ничем непримечательному мне предстоит переиграть эту, давным-давно отыгранную партию? Что теперь делать, в какую сторону идти, к чему стремиться? Всё это вопросы, непременно требующие правильного ответа; а ответа нет, не только что правильного, а никакого.

Что же поделать, будем исходить из того, что есть.

Итак, что я знаю про это время? В сравнении со среднестатистическим соотечественником, — не так уж мало. По образованию я историк, учитель истории. Даже преподавал два года в одной из школ родного города. Потом хроническое безденежье сначала заставило хватать учебные часы, добавив к преподаваемым предметам географию и ОБЖ, а затем погнало меня в столицу нашей Родины, конкурировать на её огромном рынке рабочей силы с жителями кишлаков и аулов. Последовательно поработав на стройке, в логистическом центре маркетплейса, в оптовых продажах бытовой химии, а затем — электротехники, с последней позиции и был я судьбою и, видимо, термоядерным взрывом, перемещён в и.о. цесаревича Александра. Ну, ладно хоть, не Димитрия Ивановича, не Ивана Антоновича и не Алексея Петровича!

Так, надо бы мне успокоиться. Есть во всём этом и светлая сторона! Товарищ царь Александр I волею божиею помре лишь в 1825 году, так что я немало ещё проживу... если, конечно, не буду делать глупостей. Раз я оказался заброшен сюда во время Таврического вояжа императрицы Екатерины, выходит, на дворе зима 1787 года, а это... 13+25 ... Ого, тридцать восемь лет! Целая жизнь впереди, ух, чего можно наворотить! Да с моими-то знаниями, да с нереализованными в прошлой жизни амбициями!

Так. А что у нас со знаниями, особенно техническими? Вот тут, конечно, вопрос.... Я кое-что знаю, кое-что помню, но так, чтобы это всё можно было взять и сразу применить — такого за мною почти ничего и не числится! Ну, помню я по прошлой работе номенклатуру светодиодных лампочек и дифавтоматов, знаю складскую программу, могу оформить УПД и прочие товарораспорядительные документы. И что? Как это всё сделать, из чего, к чему, зачем — для скромного менеджера по продажам всё это тайна, покрытая мраком.

Историю я помню прилично, не всё ещё забыл с института, но, не могу сказать, что знаком с этим периодом мегаподробно. Сейчас будет 2-я Русско-Турецкая война, продлится 6 лет. Начнётся она где-то летом, сразу по возвращении Екатерины из Крыма. Затем — Русско-Шведская война, революция во Франции, разделы Польши — один уже прошёл, ещё два на очереди. Потом Павел... да, совсем забыл, еще война с Персией, а уж за ними Павел. А там понеслось — Наполеон, Аустерлиц, Бородино...

Ну, ничего, ничего. Протагонист-то не знал даже этого! Да и вообще, судя по обстоятельствам моего появления здесь, хуже, чем всё прошло, устроить уже невозможно. А может быть, всё еще сложится, и будущее наше обойдётся без ядерной войны и всего этого вот... Я могу попытаться. Я готов попытаться! Я должен...

Раздался деликатный стук, дверь отворилась, и вошел г-н Протасов.

— Ваше высочество, вам лучше? Цесаревич Константин и господа Салтыковы желают поиграть с вами в солдатики!

— Давайте в другой раз, право. У меня что-то голова разболелась...

— Так надо проветрить, сменить свечи, да проверить, не перекрыты ли дымоходы. Я распоряжусь!

Он вышел; тут же ко мне вошли пара слуг и истопник. Слуги поменяли свечи, вынув огарки, и зажгли новые; отворили окно для вечернего проветривания, впустив внутрь морозный свежий воздух с Дворцовой площади. Истопник проверил печи, пошерудив в топках кочергою, и подкинул пару поленьев.

— Много не ложь, — прикрикнул ему Протасов, — а то жарко будет!

Вскоре нас повели на вечернюю службу. Церковь, как оказалось, находится тут прямо в здании дворца! Костик, переполненный сегодняшними впечатлениями и всегдашнюю молодой дурью, кривлялся и шалил. Затем, после ужина и повторного осмотра доктором, наконец нас отправили спать. Эх, и длинный же выдался денёк!

В спальне моей было совсем даже не жарко; сильно дуло от одного из окон. Впрочем, тяжелое теплое одеяло на плотной шёлковой подкладке вполне спасало....

....но только, пока ты под ним!

— Просыпайтесь, Ваше высочество! Просыпайтесь!

Это какое-то дежавю! Снова меня будит всё тот же господин! Вновь за окнами темень, да ещё и страшная холодрыга в спальне!

— Ваше Высочество, смею напомнить вам, что руки следует держать поверх одеяла!

Какое, нахрен, поверх! Да тут околеть можно!

— Александр Яковлевич, сделайте что-нибудь! Невозможный холод!

Воспитатель мой задумчиво посмотрел на тяжелые шторы, ощутимо колышущиеся от струй ледяного воздуха, прорывавшегося через щели в огромных дубовых рамах.

— Извините, надобно замерить температуру воздуха. Сейчас схожу за термометром!

— Разве же так непонятно, что тут очень холодно?

— Извольте вспомнить, что согласно наказу августейшей бабки вашей, — тут воспитатель почтительно поднял глаза к немыслимо высокому, теряющемуся в предрассветной тьме потолку, — температура в ваших покоях должна соответствовать определённым пределам. Хотя, возможно, вы правы — ветер нынче с Балтики, и окна продувает немилосердно. Я пришлю сейчас истопников.

Вскоре пришёл средних лет человек в ливрее и парике, и затопил одну из печей. Александр Яковлевич пришёл с термометром в серебряной оправе и педантично следил, как поднимается температура воздуха; наконец, признав результат достаточным, велел прекратить.

На другой день нас повели сначала в церковь. Константин, видимо, чувствовал себя хорошо, и явно засиделся за время болезни. Теперь он дурачился даже во время службы. На что воспитатель его, Карл Иванович Остен-Сакен, реагировал, пожалуй, излишне добродушно.

После исповеди Костя заканючил:

— Поедьте кататься! Мы совсем в этом году не катались в санях! Поедьте на Кательную горку!

— Ваше высочество, Кательная горка — в Ораниенбауме. Туда ехать часа полтора!

— Ну и что! Поехали! — разошёлся Костенька.

Для разрешения этой ситуации вызвали Николая Ивановича. Это оказался тот самый генерал-аншеф Салтыков, в честь которого и назвали «Салтыковский подъезд», и был он, между прочим, главным нашим воспитателем. Так что, в затруднительных случаях, таких, как, к примеру, сейчас, «кавалеры» за разъяснениями обращались именно к нему.

— В Ораниенбаум ехать не по погоде, Ваше Высочество — рассудительно, но любезно произнёс тот. — Там и дворец-то сейчас закрыт, да и не топлён! А Ваше Высочество, сами знаете: с четверть часа покатаетесь, да и замёрзнете, и кушать восхотите, а там ничего и не готово! Нет, кательную горку давайте пока отставим, а вот прокатиться по городу, да с ветерком — это сейчас самое милое дело! А замёрзнете — хоть во дворец возвращайтесь, хоть к обывателям кому-нибудь зайдёте погреться. Всё, не как по дороге аж до самого Ораниенбаума!

Дело было решено, и, надев на нас добрые, крытые сукном бекеши, а головы в треугольных шляпах укрыв дополнительно шлыками из грубой, страшно колючей шерсти, мы сели в сани и выехали от Зимнего дворца прогуляться по улицам заснеженного Санкт-Петербурга.

Город буквально утопал в снеге. Расчищать улицы, видимо, еще не придумали, и дорогой нам служил накатанный санный путь, с которого при нашем приближении шарахались испуганные пешеходы.

Сначала мы проехали мимо Адмиралтейства. Раньше, пару раз бывав в Петербурге, я не обратил на это строение особого внимания. Мне казалось, это какое-то невнятное, неясного назначения административное здание, несуразно длинное и совсем не такое импозантное, как Зимний дворец или Главный штаб. А вот теперь именно оно настойчиво притягивало взгляд!

Во-первых, Адмиралтейство оказалось окружено мощным рвом и бастионами, точно, как Петропавловская крепость, причём бастионы эти были почти под окнами Зимнего дворца. Во-вторых, над невысоким зданием Адмиралтейства вздымался не только золотистый шпиль, но и мачты — там, прямо внутри, была настоящая верфь! Причём, судя по раздававшемуся в морозном воздухе стуку топоров, работа по стройке кораблей шла даже сейчас, зимою!

— Давайте завернём туда, Александр Яковлевич! — попросился я. — Посмотрим, как корабли строят!

— Это дело, ваше высочество, требует времени большего, чем просто «завернуть». Мы туда обязательно заедем, но в другой день, специально, на несколько часов. Сейчас же, давайте проедем далее!

Мы проехали через обширное свободное пространство, расстилавшееся перед Адмиралтейством, и выехали на широкую, с двух сторон обсаженную заснеженными деревьями улицу.

— Как называется это место? — спросил я.

— Сие — Адмиралтейский луг, свободное от застройки пространство, дающее обзор перед адмиралтейскими укреплениями, — объяснил Протасов. — Ежели придется палить из пушек, отражая наступ врага, то надобно, чтобы с бастионов и куртин было все видно окрест, дабы картечами поражать неприятеля беспрепятственно! А это — Невская перспектива!

Проехав среди добрых каменных домов обывателей, выглядевших очень по-европейски, мы миновали Строгановский дворец, и оказались вдруг перед крайне странным сооружением. Лента замерзшей реки, каньоном разрезавшая стену домов, говорила мне, что это, несомненно, мост. Но что за странные гигантские конструкции устроены сверху него?

— Что это, Александр Яковлевич?

— Мост через Фонтанку. Я ведь уже рассказывал вам это, ваше высочество!

— Отчего же он так странно выглядит? Что это за крыша сверху него?

Протасов улыбнулся; усмехнулся в заиндевелую бороду и наш возница.

— Я уже рассказывал вам назначении сиих сооружений, ваше высочество. Это журавли-противовесы для разведения моста! Если по Мойке идет баржа или шхуна, то мост разводится в стороны, а эти устройства, создавая противотягу, облегчают сей процесс!

Мне стало стыдно. Вот я, историк, называется!

— Неужели по Мойке тоже ходят корабли?

Тут кавалер мой рассмеялся уже откровенно.

— Ну, господин мой, Александр Павлович, вы нынче, за городом были всего ничего, а совсем всё позабыли! Корабли тут не ходят; корабль суть судно трехмачтовое, крупное, и здесь ему будет, конечно же, тесно. А вот баржи и шхуны заходят под выгрузку, да! В Адмиралтейские анбары да на Галерную верфь именно тут завозят лес для строительства и кораблей, и галер...

Так, от Протасова, я и узнал, что «корабль» — это не всякое судно, а именно трёхмачтовое. Так что шутки на тему «судно — это в больнице, а в море — корабль», как оказалось, совершенно не соответствуют действительности.

Мы ехали дальше; из ноздрей лошади валил пар, частыми толчками вырывавшийся из её мощных лёгких. Разумеется, никакого Казанского собора с его колоннадою на привычном месте не было: до постройки его ещё очень далеко. Зато на углу имелся другой, островерхий собор в барочном стиле, название которого я не знал, а спросить не решился.

Проехав через ещё один, довольно узкий канал, мы увидели громадный одноэтажный Гостиный двор, у которого толпился народ, а далее, за ним — симпатичное трехэтажное, крашенное желтою охрою здание. На удивление, выполнено оно было не в барокко, а в строгом классическом стиле.

— Аничков дворец, — прокомментировал Протасов. — Князя Григория Алексеича Потёмкина здание! Всего тридцать лет назад ведь считался загородным домом императрицы Елизаветы Петровны, а вот теперь, до заставы-то, скакать и скакать! Ефим, — крикнул кавалер возчику, — сворачивай тут, дальше ничего примечательного нет, дома и дома! Да сворачивай, куда ты заехал!

Вдруг мы оказались на неширокой площади. До моего слуха донеслись надрывные, истеричные крики, крепкая ругань, и какие-то странные то ли удары, то ли щелчки.

Обернувшись, я увидел посреди этой площади грубо сколоченный, дощатый помост, и обступивших его людей. На помосте этом стоял человек, до пояса раздетый, несмотря на мороз; тут же, рядом, стоял здоровый мужик в красном кафтане. Вот он взмахнул рукой, и размашисто хлестнул полуголого здоровенным бичом! Тут только я заметил что первый, раздетый по пояс человек был привязан к столбу. Кнут звонко щелкнул по спине наказуемого, да так, что тот хрипло, надсадно взвыл.

— Да поехали уже отсюда, дурак! — рассердился Александр Яковлевич, и кучер взмахнул поводьями. Я понял, что мы случайно увидели торговую казнь.

Свернул налево, мы резво пошли берегом Фонтанки, вздымая за санями снежную пыль.

— А это — Летний дворец! — сообщил Протасов, указывая на массивное двухэтажное здание перед нами, с почти плоской крышей, украшенной многочисленными статуями и балюстрадой. Судя по мощному слою снега на изящных полукруглых лестницах, в Летнем дворце никто не жил. Даже под снегом видно было, что здание это уже сильно обветшало.

Когда мы проехали мимо еще одного моста через Фонтанку, я увидел справа по ходу движения, на другом её берегу, большие складские здания.

— Соляной городок, — пояснил Александр Яковлевич. — Тут магазины для разных припасов, городу потребных, главным образом, соль и вино. Раньше были тут Партикулярные верфи, для постройки судов гражданских, но лет пятнадцать назад перенесли их на Выборгскую сторону, вон туда, за Гошпиталь!

Действительно, мы выехали на лёд Невы, и там, на другом берегу, виднелись мачты строящихся небольших судов. Тут мы пошли шагом — лошади надо было отдохнуть. Сани с Костей и Остен-Сакеном поравнялись с нами, и шли с нами вровень по заметённому снегом льду Невы.

— А вот тот высокий дом — Морской и Сухопутный гошпиталь. А по левую руку от нас — Марсово поле, — продолжал рассказывать Протасов.

— Да, тут парады проходят! — вскричал довольный Константин. Похоже, парады братцу нравились.

— А это — указал Протасов на двухэтажный дом с острой крышей — летний дворец Петра Великого!

Здание это явно на дворец не тянуло — обычный особняк, хоть и большой. «Великий», отличие от потомков, на дворцах своих явно экономил.

Нева поразила меня обилием на ней людей и вмерзших в лёд судов, то тут то там вышавших к небу свои мачты. Обыватели набирали в Неве воду, заезжая прямо на лед большими, разнообразного вида, конными бочками; добывали лёд для ледников, запасая его на всё лето; или же попросту ловили в лунках рыбу. Особенно поразила меня устроенная посреди реки плавучая прачечная, из которой мощными клубами валил пар. Женщины-прачки, постирав одежду, собирали её в большие корзины и отправлялись прямо к прорубям, полоскать её в совершенно ледяной невской воде. Сами прачки, при этом, одеты были довольно легко.

— Что же они делают? — спросил я. — Ведь так легко простудиться!

На что Протасов ответил мне весьма легкомысленно:

— Это дело привычки, Ваше высочество, если есть навык в своём деле, то любая работа кажется легка!

Мы тем временем возвращались обратно к Зимнему дворцу, но с другой его стороны. Впереди открылась Петропавловская крепость, длинный шпиль которой мы видели почти всю поездку.

Тут только я заметил, что гранитная набережная существует только со стороны Зимнего дворца, а противоположный берег Невы находится в своём первозданном, заснежено-покатом виде, и городские ребяташки катаются там на санках. Здание Биржи на берегу стояло в лесах. Вообще, и Васильевский, и Каменный острова, видно, были застроены ещё слабо, только вдоль берега Невы возвышались приличные каменные дома; далее вглубь теснились деревянные хибары, либо же не было почти что ничего.

Наконец мы возвратились к Зимнему дворцу. Со стороны Невы он почти весь был уставлен лесами — судя по всему, продолжались ещё какие-то фасадные работы. Чуть в стороне, за Адмиралтейством, Неву пересекал наплавной мост: низкий деревянный помост лежал на совершенно одинаковых шхунах, поставленных на якоря по течению реки.

— А что, мост не убирают на зиму? Разве ледоход его не повреждает? — спросил я Протасова.

— Бывает, что и повреждает; но, Ваше высочество, неудобства от разборки и сборки моста настолько значительны, что на это не смотрят. Весною, как идет ледоход, на носы плашкоутов ставят солдат, и они баграми отталкивают льдины, не позволяя создаваться ледяному затору. Вы, верно, запомнили: мы в прошлом году с вами смотрели, как это делается, вы еще с Его Высочеством великим князем Константином Павловичем изволили изумляться отваге и силе солдат! А вообще, плашкоуты эти имеют усиленный корпус, способный сопротивляться давлению льда — ответил Александр Яковлевич. — Ну, давайте, Ваше высочество, мы приехали, выходим!

Кучер остановил нас прямо на льду Невы, возле лестницы. Мы вылезли из саней и по скользким каменным ступеням поднялись на набережную, прямо к Зимнему дворцу.

Вечером Протасов зашёл ко мне с разговором.

– Ваше Высочество, я переговорил с Николаем Ивановичем, и он согласился со мною в том отношении, что как и я не мог не заметить разительных перемен, случившихся после болезни Вашего Высочества. Вы сильно повредились в памяти – забыли и языки, и многие простые вещи. Сие несчастливое обстоятельство могут огорчить государыню и немало вам повредить. Граф Салтыков решил до поры не упоминать о сем в донесениях государыне императрице; однакож питает надежды, что всё исправится к ея приезду. Прошу, Ваше Высочество, в это время усиленно повторить французскую и немецкую грамматику, дабы понапрасну не огорчать августейшую вашу бабушку и мою государыню!

– Хорошо, давайте повторять! Думаю, будет полезно, если мы с вами говорить будем пока только по-французски!

– По французски вы можете говорить с мосье Де Ла-Гарпом, а мы с вами, наверное, давайте общаться по-немецки!

На том и порешили.

Уходя, Протасов снова напомнил мне про руки и одеяло. Зачем это надо, я спросить так и не решился, – вероятно, тут это общеизвестно. Но как же надоедают эти постоянные указания по всяческим мелочам! Впрочем, худшее явно ещё впереди...

Наконец я снова предоставлен сам себе, и могу спокойно подумать. Да, добиться чего-то в моём положении будет крайне непросто. Я несовершеннолетний, по здешней терминологии – «отрок». Денег у меня нет; Костик сказал, что мне выдают по двадцать пять рублей одною бумажкою ежемесячно, для того только, чтобы научить обращению с ними. Понятно, что с этими капиталами ничего путного устроить невозможно! Хуже того, меня не принимают всерьёз – кому интересны мнение и мысли девятилетнего мальчика? Подозреваю, что у Протасова и Сакена есть даже полномочия нас с Константином пороть (хотя они не разу такого не делали – и очень напрасно, по крайней мере, в отношении Константина).

Но, не так всё и плохо – есть во всём этом и светлая сторона! Всё же я родился не в избе и не в юрте, а в самом что ни на есть царском дворце! Я могу видеть первых лиц Российской Империи хоть каждый день, разговаривать, уговаривать, располагать к себе, убеждать! Это дорогого стоит! Другой вопрос, что сейчас со мною готовы говорить о деревянных лошадках и игре в свайку, но не о серьёзных вещах. И это именно то, что мне предстоит изменить...

Письмо генерал-аншефа Н.И. Салтыкова Е.И.В. Екатерине 2-й

Ваше Императорское Величество, государыня императрица Екатерина Алексеевна!

Согласно наказу Вашему, верноподданнейшие доношу состояние дел с воспитанием и обучением Их императорских высочеств, е.и.в. вел. кн. Александра и е.и.в. вел. кн. Константина.

Прежде всего, сообщая, что от болезни своей, доставившей Вашему Величеству столь многие огорчения, к несчастью, не позволившей великим князьям сопровождать Ваше Императорское Величество в Таврический Ваш вояж, цесаревичи ныне совершенно излечились. Болезнь никаких следов на их внешности не оставила: ещё сохраняются красные пятнышки от кори на физиогномии е.и.в. вел. кн. Александра, но, по уверениям г-на Вейгеля и по единому мнению всех иных докторов, вскорости и они сойдут совершенно. У младшего, е.и.в. вел. кн. Константина, никаких следов кори ни на лице, ни на теле уже и не видно; то же, с помощью Божиею, будет и у старшего. Потому, Ваше императорское величество, полагаю, благодарением Божиим, великих князей ныне совершенно здоровыми; третьего дня возвращены они в Зимний Дворец.

Всем сердцем своим боясь огорчить Ваше императорское величество, не могу не сообщить, однако, что с окончания своей болезни е.и.в. вел. кн. Александр заметно переменился. Прежде всего, уверяет нас, что совершенно позабыл французский и немецкий языки, притом, в языке аглицком сохранил познания вполне. Мы с генерал-майором Протасовым было думали,

что цесаревич дурачится; однако же, настолько сам он огорчен случившемся, что просил е.и.в. вел. кн. Константина помочь ему. Теперь они с цесаревичем Константином придумали игру: вел. кн. Александр изволит указывать на разные предметы, а вел. кн. Константин отвечает, как они называются по-французски. Г-н Де Ла-Гарп считает этот почин весьма полезным и приводил мне разнообразные примеры, где большие успехи учащихся достигаются посредством взаимного общения и растолковывания разных предметов.

Также, не могу не упомянуть вдруг проявившуюся, совершенно не свойственную ранее строптивость вел. князя в вопросах, в коих, казалось бы, никак невозможно ожидать от благовоспитанного молодого человека каких-либо возражений. Сегодня ген. Протасов напомнил вел. князю, что на завтрашний день ожидается поездка в Гатчину, с обычным визитом к вел. кн. е.и.в. Павлу Петровичу и е.и.в. Марии Фёдоровне. При этом ген. Протасов предупредил вел. кн. Александра и Константина о необходимости заблаговременного устройства надлежащих куафюр, а именно – париков с буклями и тупеем, сообразно вкусу и склонностям е.и.в. цесаревича Павла Петровича. На что вел. кн. Александр, паче чаяния, ответил резким отказом: разбранил вдруг парики, куафёров, при этом вошел в азитацию и был весьма невежлив. Нежелание его надевать парик оказалось столь отчётливо, что он сказал даже удачно в рифму: «Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, я не пруссак, а природный русак», после чего отказался от парика уже наотрез. Ген. Протасов, сколько не уговаривал, переменить намерений вел. князя не смог.

Мы с Александром Яковлевичем, оказавшись в столь щекотливом положении, сочли за лучшее отказаться сей раз от направления вел. князя Александра в гости в Гатчину, отговоровшись его продолжающимся нездоровьем. Однако же, не чаем, сойдёт ли сия блажь в ближайшее время, и, памятуя нрав е.и.в. Павла Петровича, не случится ли промеж ними скандала. Посему, покорнейше прошу Ваше Императорское Величество дать нам подходящие случаю указания, дабы мы их е.и.в. вел. кн. довели как истину, не подлежащую оспариванию.

Засим перехожу к вопросам обыкновенным. Названный г-н Ла Гарп, как Вашему Императорскому Величеству известно, приставлен к молодым цесаревичам преподавать основы французской речи. Однако же, на днях, воспользовавшись, должно быть, перерывом в учёбе, от болезни великих князей возникшим, составил подробнейший план обучения е.и.в. вел. князей также арифметике, геометрии, риторике, грамматике, истории и основам географии. План этот к сему письму прилагается; г-н Ла Гарп весьма ожидает его Высочайшего одобрения.

В остальном всё в Санкт-Петербурге обстоит благополучно. Каковы у Вас в пути морозы? У нас весьма преизрядны. Великие князья всё спрашивают, где вы ныне едете, и просят на карте показать. Намедни также, пришло мне письмо из Франции, от родни. Пишут, что финансы сего королевства находятся в совершенно расстроенном виде, и для сбора налогов г-н Калонн восхотел собрать Ассамблею нотаблей, с чем и обратился к королю. По сему случаю могу заключить: счастлив народ, не имеющий необходимости в подобных мерах для наполнения государственной казны!

Засим остаюсь всецело преданный Вам
Ген-аниеф Н.И. Салтыков.

Потекли мои дворцовые будни. Каждый день меня будили в шесть утра. После умывания холодной водой и обтирания тела холстиной, смоченной также в ледяной воде, следовала чистка зубов щёткой, лишь отдалённо напоминавшей современные мне зубные щётки. Сделана она была из слоновой кости и набита натуральной свиной щетиной – все щетинки разной толщины и цвета. Использовался при этом французский зубной порошок, состоявший, по видимому, в основном из мела и душистых веществ.

Для «справления нужды» имелось личное «ретирадное кресло», очень похожее тому, что так удивило меня в Чесменском дворце. Размещалось оно в довольно таки тесном шкафу. Подростку пользоваться им было достаточно удобно, а вот как обходятся тут взрослые люди тучного телосложения – для меня остаётся загадкой. Впрочем, все неудобства компенсировались тем обстоятельством, что моё отхожее место было индивидуально, по крайней мере, в собственных покоех. Когда же мы выбирались куда-то из дворца, конечно, приходилось пользоваться и чужими приборами такого рода.

Приведя себя в порядок я с помощью камердинера одевался. Камердинер мой, Игнатий, добродушный господин, происходил, как оказалось, из небогатых дворян. Мы с ним прекрасно поладили; от него узнал я множество подробностей и о самом дворце, и о его обитателях.

После одевания нас с Костей отводили на службу во внутреннем храме Зимнего Дворца; в церковные праздники следовала также литургия. Сопровождал нас Андрей Афанасьевич Самборский – наш духовник и «законоучитель», правда, не в том смысле, что учил нас законам Российской Империи, а в том, что наставлял в законе Божием.

Самборский, сравнительно молодой, стройный священник, выполнял и обязанности нашего с Костей духовника. Он сопровождал нас в дворцовую церковь, исповедовал, читал катехизис. Удивительно, но он не носил бороды: долгое время прожив при посольстве в Англии, набрался там весьма либеральных идей, и даже женился на англичанке. Он умел завладеть вниманием даже такого непоседы, как Костик, что было, признаться, непросто. Но, что касается меня, то признаюсь, во время его уроков я всё больше думал о своём — и мне было, о чём подумать!

Когда мы возвращались, со службы, нас уже ожидал завтрак, или, как тут говорят, «фриштык», в «приемной» комнате на моей стороне. Состоял он обычно из гренок, омлета или иным образом приготовленных яиц, ломтиков ветчины, масла и сыра доселе незнакомых мне марок «канталь», реблошон, рокамадур, куломье, и знакомый мне ранее только на слух божественный бри.

После завтрака наступало время занятий, а после обеда – игр. С Кости́ком мы вполне поладили. Я его прозвал «мосье Курносов», а он величал меня «герр Долгоносов». Он оказался, в общем, неплохим ребёнком, хотя и слишком активным; однако, всегдашнее потворство со стороны Сакена обещало уже в недалёком будущем испортить характер его до полной необузданности.

Иногда после трапезы, совсем расшалившись, Костик вылетал в длинный коридор, разделявший наши покои, и носился там на деревянной лошадке-жёрдочке, размахивая игрушечной саблей; при этом он нападал на лакеев и пажей, ловко его избегавших, и пытался допрыгнуть до подсвечников, висевших на стенах коридора. Свечи там горели почти круглосуточно, ведь коридор не зря назывался «Тёмным». Комнаты окружали его с двух сторон, потому окон в нём не было; слабый дневной свет проникал только через люки в потолке, выходившие на чердак. Однажды, подняв глаза, я с удивлением увидел, что через люк этот наблюдают за нами несколько детей, сразу же скрывшихся, едва поняв, что я их заметил.

Я подозвал одного из пажей, дежуривших у дверей; в его задачу входило открывание их перед важными персонами.

– Послушай, ээ... милейший. Там в люк на нас смотрят какие-то дети. Это так и должно быть, или что-то не так?

Паж, парнишка лет пятнадцати, в тщательно накрахмаленном и напудренном паричке, изумрудно-зеленой ливрее, кюлотах и белых чулочках, с каким-то подобием погончиков и при шпаге, поначалу страшно смешался и покраснел, верно, не зная, что отвечать.

– Не могу знать, Ваше Императорское высочество, – наконец прохрипел он. – Вероятней всего, сие есть солдатские дети, Ваше императорское высочество!

– Гм. А откуда там дети, да ещё и солдатские?

– На чердаке, Ваше императорское высочество, пожарная команда проживает, так верно, кто-то семью с детьми своими туда и привёл!

– Понятно. А звать-то тебя как?

– Фёдор Рябцов, Ваше Императорское Высочество! Камер-паж Вашего Императорского Высочества!

– Откуда ты родом, Фёдор Рябцов?

– Дворянство Тульской Губернии, Ваше Императорское Высочество!

– Да говори мне «ты», что ты, ей-богу!

– Никак нет, не могу, Ваше Императорское Высочество! Вы – особа императорской фамилии, Ваше Императорское высочество!

И понял я, что навряд ли найдут тут человека, с которым буду на «ты». Значит, и мне до самой смерти придётся всем говорить «вы», а то как-то неправильно получается... Ну, невелика потеря!

Тем временем в Зимний дворец, наконец-то, прибыли наши с Константином родители – Великий князь Павел Петрович, наш отец, и Великая княгиня Мария Федоровна, наша матушка.

Нас с Константином предупредили заранее, что они приедут; в «фонарь», то есть маленькую комнату над крыльцом Детского подъезда, куда они должны были подъехать их сани, поставили пажа, и, только он завидел приближающуюся санную кавалькаду, нас вывели на лестницу и выстроили для приветствия.

Со времени прибытия великокняжеской четы весь Зимний дворец резко переменялся.

Слуги ходили, как пришибленные; полотёры тщательно надраивали паркет и вычищали свечную копоть; пажи тревожно шептались между собою и трепетали, лишь только заслышав, как цесаревич изволит идти по коридору.

Ему в то время было за тридцать, но глубокие залысины и плешивость уже обозначились у него на лбу. Блеск праздничных костюмов и парадных мундиров, богатство убранства, сияние драгоценностей лишь еще резче подчеркивали уродство Павла Петровича: плохо сложенный, со вздернутым и приплюснутым носом, огромным ртом, выдающимися скулами, более похожий на лапландца, чем на славянина, Великий князь был начисто лишен того, что называется «статность». К тому же в Зимнем Дворце у него всегда было скверное настроение — очень уж не любил эту резиденцию Павел. Возможно, поэтому любая мелочь могла вывести его из себя.

Считавший себя незаконно лишенным короны, Павел либо до смерти скучал, либо играл в войну, по 10 часов в день выкрикивал команды, воображая себя, очевидно, то Петром Великим, то своим кумиром королем Пруссии Фридрихом II. Все, что угодно, могло вызывать в нем раздражение и гнев: придворные трепетали в его присутствии.

— Пажи боятся Великого князя много более, чем самой Государыни императрицы, — признался мне Игнатич.

Мария Федоровна, родная мать протагониста, показалась мне особой одновременно хитрой и в то же время крайне недалёкой. Есть такая категория людей, что запросто кого угодно обьегорят на гривенник, и в то же время совершенно спокойно прохлопают лежащие прямо у носа своего миллионы, просто потому, что слишком заняты, выкруживая указанный гривенник. В девичестве София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, она была ещё молода — ей шел 28-й год, но, из-за специфических интеллектуальных свойств супруга скучала, целыми днями занимаясь лишь вынашиванием детей и шитьём. Однако жестокие выходки и приступы ярости становились все более частыми; доходило до того, что Павел оскорблял жену даже в присутствии слуг!

Сестры наши были ещё совсем маленькие: Александре шел 5-й год, Елене, которую все называли «Елена Прекрасная», — 4-й. Была еще дочь Мария, совсем кроха: у неё только реза-

лись зубки. Они жили с родителями, но виделись мы достаточно часто, чтобы они помнили своих братьев. Держались они довольно непринуждённо и любили с нами играть; но я очень быстро от этого уставал и уходил заниматься. Впрочем, общение с этими крохами прекрасно разгружало мою голову после ужасов французской грамматики!

Болезнь прошла, и нас начали посещать обычные учителя. Указанный выше Андрей Афанасьевич Самборский учил нас Закону Божьему, а Фредерик Сезар Де Ла Гарп, молодой, энергичный швейцарец, — французскому языку. Последнего Салтыков просил об усиленных со мною занятиях, и мы плотно занялись зубрёжкой французских глаголов. Ужасная вещь! Ла Гарп оказался терпеливым и доброжелательным преподавателем, хотя педагогическая доктрина 21-го века нашла бы в его методике немало несообразностей и пробелов.

Ночь, наконец-то, ночь. Только сейчас я могу побыть наедине со своими мыслями – днём этого не позволяют мне и постоянная мелочная опека, и занятия с г-ном Ла-Гарпом, и навязчивый энтузиазм братца Константина. Теперь же я могу, свернувшись во тьме под шёлковым одеялом, хоть немного подумать о случившемся со мною.

Прежде всего, как я тут очутился? Что случилось с моим миром, возможно ли мне вернуться в него, или же я навсегда останусь здесь, в 18 веке? Вспышка, всепоглощающий свет, и... вот я здесь. Увы, мои школьные знания физики не дают мне ни шанса разгадать эту загадку. Что же, положу себе, как аксиому, что моё прежнее тело исчезло, и возврата к прошлой жизни уже не будет – надо устраивать себя здесь и сейчас, в этой, неведь как, сложившейся реальности.

Далее. Как вести себя с «родителями», с «бабушкой», с людьми двора? Какую линию поведения принять, какую личину предстоит носить мне до конца моих дней? Насколько я помню из курса отечественной истории (а это – мой профильный предмет, по образованию я историк, даже в школе два года преподавал), императрица Екатерина II крайне не любила сына, а вот на внуков возлагала большие надежды. Вроде бы даже, хотела передать власть напрямую Александру, полностью, вплоть до заточения в крепость, отстранив для этого Павла! Несомненно, она – ключевая фигура здесь, и от того, как мы поладим, будет зависеть даже не столько моя судьба – у меня-то, великого князя, наследника, и прочая, и прочая, скорее всего, при любом исходе всё будет благополучно, а вот как сложится будущее Отечества... вот это вопрос!

Дверь осторожно отворилась. Протасов, на цыпочках, вошел в мою комнату, проверяя, держу ли я руки над одеялом. Противодействует формированию вредных привычек, так сказать! Между прочим, этот тип – генерал-майор. Почти как Суворов! Притом один воюет почти не переставая уже тридцать лет, а другой вот, оберегает малолетнего шкета царских кровей от сквозняков и онанизма! Нет, я ничего не могу сказать, Александр Яковлевич добрый, достойный человек, но, простите, «хороший человек – это не профессия»!

Протасов ушёл, тихонько затворив дверь. Сбил меня с мысли, чтоб ему! Ладно, в самом деле, жаловаться – грех: мог бы сейчас в курной избёнке ворочаться на тряпье, почесываясь от блошиных укусов, а тут – лежу, как человек, в собственной спальне, под присмотром генерал-майора!

Только вот та, затопившая всё вспышка, до сих пор стоит перед глазами...

Письмо Ея Императорского Величества Екатерины II генерал-аншефу Н.И. Салтыкову.

Любезный граф, Николай Иванович!

Сегодня утром, доставили мне письмо ваше от 30-го января, заставшее меня в городе Киеве. Со времени моего прибытия холода прекратились, а оттепель продолжается с боль-

иими туманами. Я беспрестанно восхищаюсь сладостью воздуха, которым дышу; в саду перед окошками деревья бурют, что в городе св. Петра не прежде апреля бывает.

С тех пор, как я здесь, все ищут, где город; но до сих пор ничего не обрела, кроме двух крепостей и предместий; все эти разровненные части зовутся Киевом, и заставляют сожалеть о минувшем величии этой древней столицы. Полагаю, что граф Румянцев-Задунайский действительно, как он и говорит, брат города может, а отстраивать их не обучен.

Очень рада известно, что внуки мои теперь здоровы. Как и утверждал д-р Роджерсон, по всем признакам это оказалась ложная, или ветряная, оспа. Надобно заметить, что, хотя первым заболел Константин, старший перенес ее не в пример тяжелее. Очевидно, острые соки его организма вырабатываются хоть и медленнее, но притом много сильнее, чем у младшего. Передайте им, что я, как и они, по сию пору огорчена тем, что из-за болезни они не смогли поехать со мною.

Невыразимое удовольствие доставил мне стишок, сочиненный господином Александром по поводу неуместного увлечения в Гатчине куафюрами. Я ныне хожу и постоянно его повторяю, и свита моя начала твердить его за мною. Похоже, у господина Александра случилось перемещение элементов в организме, и взамен французской грамматики он приобрел дар и тягу к питтству! Может быть, что напрасно мы исключили поэзию из его образования!

В отношении некоторой рассеянной забывчивости господина Александра я спросила д-ра Роджерсона. Он отвечал, что тяжелые потрясения, такие, как болезнь, могут вызывать некоторые расстройства временного, или даже постоянного свойства, но сказывал не придавать этому до поры очень уж важной роли. Впрочем, полагаю, даже если господин Александр действительно забыл некоторые познания во французском, с таким учителем, как господин Де Ла-Гарп, он быстро всё поправит.

Присланную вами роспись учения великих князей, сочиненную господином Лагарпом, я показать велела Фицгерберту, и он, так, как и я, находит, что лучшие выдумать нельзя; так я об успехах их не сомневаюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствие. Е к а т е р и н а

Дано в Киеве, 6-го февраля 1787 г.

– «Тарквиний же удалился к Ларсу Порсене, царю этрусскому, и просил его помощи. Порсена пошел на Рим с таким большим войском, что римляне не могли выйти в поле на битву с ним, и он занял Яникул, холм на правом берегу Тибра. Римский отряд, стоявший в укреплении на этом холме, бежал в город через мост; враги гнались за ним и проникли бы в город вместе с бегущими, если бы не остановил их Гораций Коклес, которому было вверено охранение моста. Он был сильный воин и с двумя товарищами отражал рвавшихся на мост врагов, а за ним, по его приказанию, ломали мост».

Фредерик Сезар Де Ла Гарп, оторвавшись от чтения, значительно посмотрел на нас, будто подчеркивая тем героизм неведомого нам римлянина Коклеса. Наш с Константином преподаватель французского языка и литературы теперь, после личного одобрения его программы государыней, преподавал нам ещё и историю, географию, математику и геометрию, а в перспективе должен был познакомить нас еще и со статистикой, экономикой и еще рядом дисциплин. Похоже, швейцарец питал большие надежды на свою педагогику, и преподавал нам с воодушевлением и пылом.

– «Когда уже едва было можно пройти», – продолжил Ла Гарп, – «он отослал своих товарищей и один продолжал оборонять доступ к мосту, пока по треску дерева и радостному крику воинов, разломавших мост, узнал, что работа кончена. Тогда он воззвал к богу реки Тибр, чтоб он принял его и его оружие в свою священную воду и защитил его; совершив молитву, он спрыгнул в волны и переплыл на римский берег под стрелами врагов.

Тем временем, в осажденном Риме начался сильный голод; город не мог долго сопротивляться, и Муций, знатный юноша с разрешения сената, пошел убить этрусского царя, чтобы спасти родину. Он тайно проник в стан и, зная по-этрусски, вошел в царский шатер, но по ошибке заколол вместо царя его писца. Порсена хотел узнать, нет ли у него сообщников и, чтобы вынудить его к сознанию, грозил ему пыткой; Муций же положил правую руку на огонь жертвенника в доказательство, что не боится ни мучений, ни смерти. Лишившись от огня правой руки, он получил за этот подвиг прозвание Сцевола (левша). Удивленный таким героизмом, Порсена отпустил Муция безнаказанно, и как будто в благодарность за это он посоветовал царю поспешить заключением мира, сказав ему, что триста знатных юношей поклялись спасти родину от этрусского царя и что ему, Муцию, досталось по жребию идти первым. Эта угроза так испугала Порсену, что он заключил мир. Не требуя восстановления власти Тарквиния, он ушел с Яникула, удовлетвовавшись обещанием римлян возвратить Веям семь округов и взяв у римлян заложников...»

Фредерик Сезар Де Ла Гарп оторвал взгляд от книги и дружески нам улыбаясь, продолжил:

– Чему учит нас сия история? Мы видим граждан, сражающихся за свободу; мы видим тут и гордого царя, и непреклонного юношу, неукротимого в стремлении избавить сограждан от тирании; мы знаем, наконец, что Рим стал республикой и вознесся к вершинам власти и могущества. Что вы можете сказать про это, ваши высочества?

Мы с Костей сидели в нашей «преподавательской-игровой», а мосье Лагарп изволил давать нам урок воспитания гражданственности.

Лишь недавно мы начали более-менее прилично общаться. Швейцарец Лагарп не знал ни английского, ни русского языков. В сущности, это все, что надо знать об организации обучения цесаревича, в будущем предназначенных на роль самодержавного правителя одной шестой части света! Впрочем, теперь, после трёх недель трудов, я начал чот что-то по-французски понимать, и мы с Костей могли теперь внимать самым последним веяниям европейского Просвещения.

«Последние веяния» оказались «хорошо забытым старым». Первое место среди учебных предметов наш добрый швейцарский республиканец отводит поучительным примерам из прошлого, в особенности из истории Древнего Рима. Вот тут-то и стало мне мало-помалу открываться, как Александр Благословенный, выросший в тепличных условиях всеобщей любви и поклонения, оказался в итоге таким ничтожеством.

Исторические примеры, на которых Ла Гарп воспитывал бедолагу Александра, сами по себе интересные и поучительные, оказались, как это ни парадоксально, настоящим «троянским конем». Ведь они воспевали образцовые ценности и характеры, вряд ли применимые к политической практике конца осмнадцатого века. И оторванность этих древнеримских образцов от российских реалий была просто вопиющей! Хорошо, я – взрослый человек со сформированным мировоззрением, вся эта промывка мозгов мне по барабану... А настоящий-то Александр, ребенок, помещенный в золотую клетку, воспринимал все это совершенно не критично, без каких бы то ни было оговорок! В итоге вырос не видевший жизни, оторванный от реальности доктринер, полный комплексов относительно собственных сил и возможностей. Наверняка ведь втайне стыдился того, что никогда не сможет, как Муций Сцевола, сжечь себе руку за народное благо.... А раз так, то лучше вообще ничего не делать, витая в грезах прожектов и христианского мистицизма!

И вот, гляжу я на этого Де Ла-Гарпа, распинаящегося перед нами про добродетели древнеримских мужей (сплошь – республиканцев). Наверняка ведь человек нам добра желает: по добродетельной, благонамеренной физиогномии его вижу, что господин этот вполне искренен в желании сформировать у своих венценосных воспитанников нравственно безупречный образ

мыслей, научить нас тому, что каждый человек обязан уважать законы, а тирания – гадость и фу. Вот не зря говорят про благие намерения и ад...

В любом случае, мне в десятый раз слушать древние мифы о добродетелях каких-то там римлян совершенно неинтересно. Как бы это уже забросить, и перейти к чему-то полезному!

– Мосье Фредерик, позвольте вас перебить... (в этом веке принято «русифицировать» иностранцев, на время службы в России присваивая им чисто русские имена и даже отчества, и по идее мне следует именовать его Иваном Филипповичем, но я всё же стараюсь звать людей их настоящим именем. Что мне, трудно, что ли?). – Вы действительно верите, что этот Муций смог сжечь себе руку, держа ее в огне? Я думаю, нормальному человеку сие невозможно. Или тот Муций был сумасшедший, или же болел проказой, и оттого не чувствовал боли. Но, вернее всего, вся эта история – просто выдумка!

Де Ла-Гарп огорченно смотрит на меня.

– История Рима показывает нам образцы самого высокого героизма, одушевленного любовью к Отечеству и свободе! Что вызывает ваши сомнения, Ваше императорское высочество?

– Собственные наблюдения за людьми. Не так уж много лет прошло, как экспедиция графа Орлова в Архипелаг пыталась поднять на борьбу за свободу потомков великой Спарты... И из этого не вышло решительно ничего! А долгая война за независимость Северо-Американских колоний, столь успешно завершившаяся, не показала нам примеров особого героизма и самопожертвования.

– Люди нашего времени, в силу нравственного измельчания, на такие подвиги более неспособны, – осторожно начал Де Ла-Гарп, – но сие не значит, что в прошлом не было образцов немыслимой ныне доблести...

– Ну, так чего же и говорить о том, раз эти древние вершины теперь нам недоступны? Что тут тогда обсуждать? Давайте говорить о реальном положении дел, а не о «преданьях старины глубокой». Вот скажем, существующее рабство. Государыня императрица ведь подумывала отменить его, еще с восшествия на престол, но так и не решилась, ибо дворянство против. И что вот с этим делать?

– Государыня ясно дала ответ на сей вопрос. Надобно просвещать ваш народ, все его сословия; смягчать нравы и обычаи, и тогда это противное природе человеческой узаконение падет само собою!

Экий ты ловкий, подумалось мне. Само собою оно падет, как же!

– Даже очень просвещенный человек не откажется от предприятия, что приносит ему выгоду. Вот, в упомянутых мною Северо-Американских штатах, правят и республиканцы, и борцы с тиранией, однако от рабов своих отказаться отнюдь не спешат!

Де Ла-Гарп с сомнением покачал головою.

– Нет оснований считать, что чернокожие рабы могут быть признаны носителями добродетелей!

– А белые рабы? Вот, у нас, многие крестьяне – крепостные. Как там с добродетелями?

– Давайте вернёмся к нашему предмету, Ваше Высочество! – с некоторой обидой произнёс Де Ла-Гарп. Судя по всему, учитель решил, что я специально забалтываю урок.

– Мосье Фредерик, давайте договоримся так. Вот эти все примеры древней доблести позвольте мне изучить самостоятельно. И Плутарха и Фукидида я могу сам почитать. А мы давайте больше времени уделим современному положению дел!

Де Ла-Гарп укоризненно посмотрел на меня.

– Программа вашего обучения одобрена Его Императорским Величеством. Я не могу отступать от неё. Также надобно заметить, что я преподаю также и их Высочеству – Ла-Гарп вежливо кивнул на Константина, – а он, увы, слишком молод для самостоятельного изучения каких-либо предметов!

Чёрт. Резонные возражения!

– Понятно. Но, всё же, я буду настаивать на дополнении моего обучения. Продолжим этот разговор в другой раз, мосье Де Ла-Гарп!

Прошло совсем немного времени, и проживание под одной крышей с моими августейшими родителями стало меня сильно напрягать.

Прежде всего, я понял, что цесаревич Павел страстно ненавидит Зимний Дворец. Всё вокруг вызывало у него раздражение и гнев, раздражавшийся на лакеях, швейцарах, пажах и дежурных офицерах. Ещё более бесило его всё, связанное с Екатериной; а ведь во дворце всё было устроено по её вкусам. Но, больше всего его беспокоило, его, как бы «гатчинцы», личная гвардия, оставшаяся в Гатчине, не «заржавела без применения» – не растеряла сноровку в той отточенной военной гимнастике, тренировке которой Павел посвящал большую часть своего времени и внимания. В конце концов, одним из февральских дней, он, видно, не выдержал. Во время завтрака двери отворились услужливым пажом, и папенька наш изволил вступить на скрипучий паркет нашей «приёмной-столовой».

Мы с Костей сидели за столом, окружённые ливрейными слугами. Лакеи и тафельдекеры* (слуги, накрывающие столы-прим.) вытянулись стрункою; Протасов и Остен-Сакен вскочили со своих стульев и приняли самые почтительные позы; поднялся и Де Ла-Гарп, ожидавший начала занятий. Я покосился на Костика, и, увидав, что он остался сидеть, тоже не встал из-за стола.

Павел, одетый в тёмный мундир и белые узкие кюлоты, мрачно покосился на швейцарца и обернулся ко мне.

– Здоров? – отрывисто спросил он меня, сверля серыми глазами

– Да, Ваше... батюшка.

– А вы, Константин Павлович?

– Так точно! – с энтузиазмом откликнулся тот, как обычно, не утруждая себя необходимостью перед тем как ответить, прожевать, то что во рту.

– Нынче, значит едем в Гатчину, пока дороги не развезло!

Он порывисто обернулся к Протасову и Сакену.

– Завтра поутру чтобы были готовы! (имея, конечно, в виду, чтобы мы с Костей были готовы). Салтыкову сам скажу!

И развернувшись круто, в буквальном смысле на каблуках, громко скрипнувших от такого кубрета, выбежал вон.

Все оказались озадачены, особенно Де Ла-Гарп: совершенно непонятно было, едет ли он в Гатчину с нами, или остаётся в Петербурге. За разъяснениями послали к Салтыкову; тот ничего не знал. В конце концов, многомудрый Николай Иванович решил, что обучение подождёт, а великого князя лучше не раздражать, и Де Ла-Гарп остался в Санкт-Петербурге.

– Мосье Фредерик, – постарался утешить его я, – с такой оказией давайте вернемся к нашему плану по самостоятельному чтению. Дайте мне пару поучительных книг, истории Греции и Рима касающихся, а потом по возвращении проверите мои знания.

– Что же, Ваше высочество, похоже, обстоятельства не оставляют мне выбора! Извольте, вот томик Плутарха, прочтите от сих – он указал на главу «Ликург и Нума» до сих – и подчеркнул длинным ногтем главу «Гай Марций и Алкивиад».

Внутренне я присвистнул – это добрых пол-книги! Немало для десятилетнего мальчика, тем более что томик, разумеется, был на французском.

– Я приложу все старания, мосье Де Ла-Гарп!

Начались поспешные сборы. Вскоре мы уже влезали в карету великокняжеской четы, посаженную на санные полозья. Вперед поскакало несколько трабантов, разведывать путь и

заблаговременно предупредить гофмаршала о предстоящем прибытии нашем в Гатчинский дворец.

– Скажи там, чтобы комнаты великих князей протопили! – крикнул Павел возглавлявшему их офицеру.

– А что, батюшка, неужели вы не топите всех комнат? – в удивлении спросил я.

– Экономим дрова – мрачно ответила мне маман. – В России же так мало лесов, что нет никакой возможности для великого князя, наследника престола, приобрести несколько лишних полениц!

– В России – ворчливо откликнулся Павел, – очень мало денег. Тут Орловым с Потёмкиными на бриллианты не хватает, а вы, сударыня, толкуете о каком-то там великом князе!

Начинается... Ну, вот кто меня за язык тянул? Теперь, пожалуй, всю дорогу будем это слушать!

– Просто, я слышал, если зимой в комнатах не топлено, отделка страдает! – попробовал я сгладить неловкость.

– Это ничего! – с сардонической усмешкой откликнулся Павел. – Время придёт – обдерём весь Зимний и отделку его перенесем к нам в Гатчину. Всё заберём, до последней шпалеры! А из этого сарая сделаем, как и должно, солдатскую казарму!

В общем, я счёл за лучшее дальше помолчать. Зато Костик не умолкал всю дорогу, воркуя с маман о всяких детских пустяках.

– Александра очень вас ждёт, сколько раз уже спрашивала! У Мари ещё один зубик режется. А Хелен так подросла, и ходит уже хорошо! Вот вы играть-то будете!

Великий князь, как любой русский человек, любил быструю езду. Карета несколько раз опасно кренилась в пути, вставая на один полоз; Мария Фёдоровна пугалась и просила придержать, Курносов орал от восторга, но мы не сбавляли хода и часа через два уже были в Гатчинском дворце.

Строение это было подарено Павлу лет пять назад. До того принадлежало оно графу Орлову, бывшему фавориту Екатерины. Сей факт тоже страшно бесил Павла, искренне (и не без оснований) считавшего, что ему достаются объедки. Великокняжеская чета строила новый дворец, Павловск, но до окончания стройки было ещё далеко.

На въезде на просторный двор стояла невиданная еще мною вещь – полосатая будка и шлагбаум. Эта прусская новинка широко в России пока не применялась – на выезде из Петербурга стояли ветхозаветные «рогатки». Проехав широкий плац, мы миновали двух солдат с ружьями с примкнутым штыком, стоявших у дверей вместо швейцаров, и попали под атаку трёх крохотных существ в воздушных платьицах.

Это были наши сёстры – Александра, Мария и Елена, мал-мала-меньше, милые девочки, пока ещё не замученные гатчинским воспитанием. Курносов был в восторге, и много с ними возился, мне же общение с ними очень скоро наскучило. Родственных чувств к ним я не питал, а общих интересов у взрослого мужчины и маленьких девочек, разумеется, было немного.

С «отцом» своим, цесаревичем Павлом, я тоже пытался видаться как можно реже. Впрочем, виделись мы немного, в основном за столом. Целое утро у него занимал сначала развод караулов, потом «вахт-парад». Совершалось это в любую погоду, и в стужу, и в снег, причём не в шинелях, а лишь в суконных мундирах.

Сам Павел подавал тут пример, в любую погоду оставаясь в мундире, да ещё и с непокрытой головой. Иной раз мы с Курносовым подолгу смотрели в окно, где папенька дрессировал его «гатчинские автоматы».

– Раз! Раз! Раз! Раз! – бесконечно повторял он ритм, с которым должны были шагать солдаты. Их было ещё немного, всего две роты; Павел, меж тем, громко мечтал про пехотный полк и пушечную батарею. Чем больше я на это смотрел, тем меньше мне всё это нравилось.

Маман, скучая за шитьём, то и дело присутствовала при этих упражнениях. Бывало, Павел ставил её в парке с открытым шёлковым зонтиком в качестве ориентира для солдат, и указывал маршировать «на великую княгиню». Наблюдая за ними, то из окна, то в столовой, я пришёл к убеждению, что они искренне привязаны друг к другу; впрочем, стала понятна и ограниченность маман, одна лишь позволявшая ей любить такого странного чудака, как великий князь Павел Петрович.

Поскольку Курносов отвлекся на игры с сёстрами, я пропадал за книгами, оправдываясь большими заданиями, данными мне Де Ла-Гарпом. Несомненным преимуществом дворцовой жизни было наличие роскошных библиотек, что в Зимнем Дворце, что здесь, в Гатчине. Я много читал; совершенствовался во французском, тем более, что книги были почти все на французском или немецком языках. Маман, кстати, говорила со мною больше на немецком, и я смог практиковать разговорную речь. Надеюсь, к приезду императрицы я не буду выглядеть совсем уж тюфяком!

Прошёл февраль, и в самом начале весны Константин откуда-то притащил новую болезнь. Его моська с курносом, как у мопса, вечно шмыгающим носом, покрылась вдруг неровными красными пятнышками, и добрый доктор Бук сразу же диагностировал корь. Мне-ние это подтвердил и почтенный, многоопытный врач Карл Фёдорович Крузе, ученый, исследовавший свойства ртути, член Петербургской Академии Наук, коему шёл уже шестой десяток лет.

Видимо, от него заразился и я. К счастью, у меня корь протекала довольно легко — отделался небольшим повышением температуры и порошками, которые по настоянию врачей пришлось глотать наравне с Константином. Зато нас с братом разделили, чему я был несказанно рад, — наконец-то у меня нашлось время подумать и почитать в тишине и покое.

Что мне предпринять? С чего начать, чем продолжить? Как много вопросов... а дальше, я уверен, будет ещё больше!

Как вообще решаются все проблемы в мире? Предшествующий жизненный путь, учеба, пусть и в провинциальном, но всё-таки, ВУЗе, позволила мне выработать некоторые правила на этот счёт, применимые почти ко всем случаям. Сначала собирается подходящая информация — всё, что необходимо знать по проблематике для дальнейшей работы. Затем — начинаются размышления, анализ того, что удалось выяснить. При этом, бывает, я прихожу к выводу, что моих наличных знаний недостаточно для твердого и уверенного решения стоящей задачи: тогда надо раздобыть дополнительные сведения.

Третьим шагом можно считать поиск возможного решения — перебираются все возможные варианты, в том числе и самые экстравагантные. Затем следует принятие решения — обдумывание всех, ранее найденных вариантов, их сильных и слабых сторон, и выбор из них оптимального.

Пятый шаг — продумывание этапов и путей выполнения принятого решения, шестой — реализация, ну и, наконец, проверка результата: достигнуты ли искомые цели, и если нет — значит, надо возвращаться к первому пункту.

Понятно, раз я оказался на такой неожиданной и, прямо скажем, завидной позиции, надо сделать как можно больше для Отечества. Цесаревич — это уже «о-го-го», а император — вообще запредельный объем власти! Применив его правильно, можно облегчить участь десятков миллионов людей, спасти сотни тысяч жизней, далеко продвинуть вперед промышленность и науку, предотвратить кровавые войны, геноцид, эпидемии, ускорить развитие медицины, санитарии, открытие лекарств, да просто, вообще всё! Возможно даже, удастся повести дело так, что той вспышки, что забросила меня сюда, никогда не будет... Но вот, как? С чего начать, в данном случае?

Мне девять лет. Ко мне никто не относится серьёзно. Я не имею денег, не могу распорядиться своим временем, не могу встречаться с нужными мне, интересными мне людьми.

У меня на шее висит придурковатый братец, с которым мне надо общаться и играть; периодически я должен посещать еще более придурочного папашу, увлеченно превращающему своих солдат в механических, нерассуждающих болванов. В ближайшее время я вряд ли смогу повлиять на что-либо. Хотя...

Если правильно поговорить с «бабушкой-императрицей», может быть, получится хоть чего-то добиться уже сейчас? Приобрести какую-то самостоятельность, хоть немного приблизить то время, когда я смогу хоть на что-то повлиять? Каждый день на счету, каждая минута моего бездействия буквально стоит кому-то жизни! Я должен попытаться, просто должен, но так, чтобы, ни в коем случае не рисковать. Слишком высоки ставки!

Надо поговорить с ней.... Да, решено. Но, рассказывать правду, пожалуй, не стоит. Прежде всего, могут признать сумасшедшим, со всеми проистекающими прискорбными последствиями. Во-вторых, даже если любящая бабушка мне поверит, как она отнесется к тому обстоятельству, что в тело обожаемого внука вдруг вселилась душа какого-то плебея-прощелыги, пусть даже, и из далекого будущего? Ведь получается, что чужой сын, чужой внук заменил родную кровиночку, а его теперь что, готовить на русский престол? А что бы тогда не первого встречного, какого-нибудь нищего или крепостного? Разницы никакой!

Нет, случившееся надо скрывать изо всех сил. Никто не догадается, если только я сам не признаюсь. Странности моего поведения — а они, непременно, будут, я не смогу в чем-нибудь не проколотся, — спишут на наследственность, на впечатлительность, на вредное влияние учителей. В сущности, мне повезло, что императрица сейчас в «длительной командировке». Когда она вернется, конечно, заметит, что я изменился, — но ведь за полгода любой может перемениться, тем более — ребенок. А что касается гатчинского семейства, то они так редко меня видят, что для них перемены моего поведения тоже кажутся объяснимы.

А всё-таки хорошо, что рядом есть братик Костя! Я могу многое потихоньку узнать от него, могу примеряться к нему, иной раз даже попросту повторять его действия, и, тем самым, хоть немного скрыть своё невежество. Конечно, знаний французской грамматики и умений танцевать котильон мне это не добавит, но, хотя бы поможет скрыть большую часть моего невежества. А французский и танцы надо срочно нагонять!

В то же время, чтобы уже сейчас повлиять хоть на что-нибудь, надо проявить себя, показать, что я непростой мальчишка девяти лет, что мне можно доверить государственные деньги, распоряжаться своим временем, можно освободить меня от опеки горбоносого старика, что к советам моим надобно прислушиваться, а может быть, даже дать мне в ведение какие-то учреждения или ведомства, не привлёкшие внимания жадных и вороватых фаворитов... Заманчиво!

Как я краем мозга припоминаю, в конце 18 века была популярна всякая мистика. Калиостро, месмеризм, магические ритуалы масонов.... Правда, Екатерина, дама здравомыслящая, нисколько во всё это не верила, но и полностью рациональной её тоже не назовешь. Если облечь это в правильную оболочку, наверняка можно попробовать.

И, да, вот ещё что. Пожалуй, не стоит допускать до власти папеньку, любителя шагистики и вахт-парадов. Ничего хорошего из этого не выйдет, я же окажусь на неизвестное количество времени отстранен от государственных дел. Ни к чему это, вообще ни к чему!

День за днём, разглядывая черно-белые, похожие на гравюры карты Российской империи, пытался я вспомнить, где у нас находятся залежи полезных ископаемых, чем примечательна та или иная губерния или местность. Донбасс. Кузбасс. Курская аномалия. Гора Магнитная на юге Урала. А где у нас золотые прииски? На Урале, вроде бы, что-то было.... Восточная Сибирь, что-то в районе Магадана. «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах». Знаменитый Ленский расстрел, то ли в 1906, то ли в 1907 году, — попавшие под пули рабочие были с золотых приисков. Значит, где-то на р. Лена. Очень небольшая река, с ума сойдёшь,

пока отыщешь, где конкретно на её берегу лежит это золото! Где-то в Калифорнии. Где-то на Аляске. И всё — *где-то*.

Паровые машины. Генераторы электрического тока. Телеграф. Пароход. Паровоз. Всё это будет сделано в ближайшие десятилетия; всё это реально к применению. Но вот как это всё делается — Бог весть. *Как-то*.

Механика, химия, металлургия, машиностроение, и прочее, и прочее. Et cetera, как тут говорят. Как мало, на самом деле, я помню об этом! Из университетского курса остались в памяти только Ползунов и Кулибин, и оба, — как непризнанные при жизни гении. Ну, что же, с них и начнём, надобно будет по возможности найти этих деятелей и разведать, на что они способны, а там — как фишка ляжет!

Когда мы с братцем немного поправились, Павел, беспокоясь о душах своих сыновей, вызвал в Гатчину Самборского, читать катехизис. Я был даже этому рад, — от французского голова уже просто раскалывалась.

— Отроки, сегодня я расскажу вам о бегстве народа Израилева из Египетского плена! Было это давным-давно...

Слушая его вполуха, я размышлял, как привлечь его на свою сторону. Совершенно понятно, что, когда я начну насказывать про эти свои «прозрения», «предсказания», или как их еще назвать, то первый человек, к которому пойдут с вопросами, будет вот этот вот мой духовник. И оттого, каковы будут его ответы, может зависеть всё моё будущее.

— «Страх напал на евреев при виде египтян, — читал меж тем Самборский, — и мало-душно стали они упрекать Моисея, что он вывел их из земли Египетской. „Лучше было бы нам оставаться в рабстве у Египтян, чем погибнуть теперь от рук их в пустыне“, — говорили они. Моисей успокаивал их верой в путеводительство Божие, а сам с горячей молитвой прибегнул к Господу...»

Какой интересный отрывок он сейчас читает... Вот как раз наглядная иллюстрация того, как интерпретация событий влияет на их оценку. Кто-то говорит, что евреи в Египте были рабами, и бежали однажды от притеснений, спасаясь от гнёта фараонов; кто-то — что евреи, они же «гиксосы», были в Египте завоевателями, изгнанными в результате «национально-освободительной борьбы». Вот и я в такой же ситуации — от правильной интерпретации произошедшего будет зависеть, окажусь ли я однажды в Тронном зале, или в одной из камер Шлиссельбургской крепости.

— «И сказал Господь Моисею: «Прости руку свою к морю, чтобы хлынули воды на египтян, на их колесницы и всадников». Моисей простер руку свою к морю, и к утру вода, хлынув с силою на египтян, бежавших ей навстречу, возвратилась на прежнее место. Так потопил господь египтян в море...»

... а в Шлиссельбурге есть такие интересные камеры, которые время от времени затапливает водою во время половодья. Так утонула небезызвестная княжна Тараканова, сидела себе в камере, сидела, вдруг вода стала прибывать, а её из камеры так никто и не выпустил....

— «Когда увидели израильтяне трупы египтян на берегу моря и увидели, какую великую силу явил Господь в победе над египтянами, охватил их благоговейный трепет перед Господом, и поверили они Ему и Моисею, слуге Его» — закончил читать Самборский и захлопнул книгу.

Да, вот именно. В меня должны поверить. И, чтобы это произошло, надобно показать свою силу... насколько это возможно. А сила эта может быть только в сбывшихся предсказаниях!

И, очень тщательно всё продумав, я решил остороженько попытать счастья во время исповеди. Надо сказать, что процедура эта проходила совсем не так, как у простых смертных: мы возвращались из «домовой церкви» в Зимнем дворце, и в спокойной обстановке, в моей

комнате, сидя, Самборский выслушивал меня и отпускал мои детские грехи. Вот такой вот он был либерал!

В этот раз я решил закинуть удочку на предмет, можно ли рассчитывать мне на его поддержку, и в каких пределах. Если даже что-то пойдёт не так, я буду в относительной безопасности: к такому понятию как тайна исповеди Самборский относился вполне серьёзно. Вот и теперь он, прежде всего, проверил, нет ли кого в комнатах прислуги, чтобы нас невольно никто не подслушал.

— Отец Андрей, — начал я издалека, когда мы присели в моей спальне на мягкие стулья, по моде этих лет расставленные вдоль стен, будто бы в напоминание о временах, когда, вот также вдоль стены ставили сундуки и лавки, — а как церковь относится к предсказанию будущего?

Самборский ответил довольно бодро, не понимая ещё, к чему я клоню:

— К предсказаниям, сделанным по Божьему наущению, церковь относится вполне сочувственно. Сам Сын Божий, в миру обретааясь, немало сделал внемлющим ему предсказаний. Равно, в последующие появлялись святые провидцы: из последних был святой старец Косма Этолийский. Он известен тем, что предсказал, что люди будут летать, аки птицы, еще за несколько лет до появления монгольфов. Однако же, есть и примеры иного рода: корыстные предсказатели, прозывающие себя "визионеры", смущают людей небылицами. Не так давно в Петербурге бывал некий Калиострус, представлявшийся жрецом египетским, но, был оный разоблачён и выслан. До того умы смущал некий Сен-Жермен, алхимик, мистик и оккультист, не так давно скончавшийся; а ныне, как говорят, парижскую публику охватило новое поветрие: «месмеризм». Но всё это суть заблуждения, что, с Божьей помощью, развеются и посрамлены будут!

Ага... Ну, всё не так уж плохо!

— Мне, отец Андрей, во сне было видение. Снизшёл ангел в сияющих одеждах, и рёк: «Передай государыне императрице, дабы опасалась она безбожных агарян, в полуденном крае обитающих. Собирают оне силы бескрайние, дабы идти войною на войско православное; а подстрекают их паписты парижские. Вослед же за ними, поднимутся и лютеране стокгольмские, прельстившись на злато английских еретиков. Но Господь не оставит верных ему душ, будьте тверды, и победите». И исчез ангел, Как думаете, правда это послание Божие, или напротив, дьявольское наваждение?

Андрей Афанасьевич молчал, твёрдо сжав губы; в глазах его читалась одновременно смятение и стремительная работа мысли. Видно было, что своими откровениями я поставил его в очень сложное положение!

— Что-то ещё он говорил вам? — наконец спросил он.

— Более ничего не сказывал; но дал понять что еще придёт ко мне.

— По моему разумению, — наконец, произнёс он, тщательно подбирая каждое слово, — в словах сего существа ничего прельстительного не наблюдается. Ведь не говорил он подвергнут поруганию веру, кого-то убить, или еще какие подобные вещи?

— Нет, только велел опасаться и держать наготове силы свои! И ещё усердно молиться Господу Богу!

— Должно быть, сие откровение дано свыше, — просветлев, произнёс наконец Самборский, глядя меня по голове. — Это великий знак! Однако же, не думаю, что надобно государыне императрице рассказывать послание сие!

— Отчего же?

— Ежели оно вдруг не сбудется, это может вам, Александр Павлович, повредить; если же всё случится, как предсказано, войска наши, уверен, угрозу ту отвратят. Не стоит государыню раньше времени расстраивать!

— А когда она возвратится?

— Должно, в конце июня. Мы с вами поедem тогда в Москву; там встретим государыню, и, вдобавок, будем свидетелями торжеств по случаю восшествия ея на престол, случившегося двадцать пять лет назад!

Что же, подождём.

Пришла весна. Мы выздоровели, и согласно поступившему от императрицы письменному указанию были возвращены в Зимний дворец. Обратный наш путь был совершён в карете на колёсах, присланной Николаем Ивановичем Салтыковым; судя по гербу, это была его карета. Тут я понял, почему тут предпочитают путешествовать зимой — дорога оказалась невероятно грязной и тряской. Дорожное покрытие, попадавшееся в пути, оказалось самое разнообразное — то щебень, то песок, то просто грязь.

Дорогой встретили мы команду рабочих, поправлявших дорогу. Способ, которым это делалось, меня поразил до глубины души. Они подтаскивали к дороге охапки прутьев — «фашинник», толстым слоем стелили их в грязь, а сверху засыпали песком! Что такое? Дураку же понятно, такой способ пригоден для временных военных дорог, но совершенно неприемлем при постройке постоянной трассы. Через год эти прутьики совсем сгниют, и надо будет начинать сначала... или ездить, как есть. И это вот всё творится прямо под Петербургом, столичным городом, совсем рядом с которым имеются буквально горы гранита и других горных пород! Что же творится в провинции?

Петербург встретил нас грязным, не везде растаявшим снегом и деловой суетой. Весна дружно вступала в свои права, по Неве шел ледоход. Река сильно вздулась, воды её доходили до парапета Дворцовой набережной. Прямо в окно Зимнего дворца мы долго наблюдали, как солдаты, стоя на носках плашкоутных судов, составлявших наплавной мост через Неву, баграми отталкивали льдины, грозившие создать у моста затор; между прочим, тут же спасали и дураков-рыболовов, застигнутых ледоходом. Одного из них, говорят, принесло аж от самого Нотенбурга! Вот не знал, что эта петербургская традиция имеет столь почтенный возраст!

По сходу льда в адмиралтействе сразу же спустили на воду готовые за зиму корабли. Сначала мы с Костей наблюдали это в окне, но оттуда были видны лишь мачты съезжавших в воды Невы кораблей. Мы упросили наших «кавалеров» — Протасова и Сакена — отвести нас поближе, чтобы подивиться этому зрелищу.

Наскоро одевшись, по весенней, покрытой лужами территории Адмиральского луга мы добрались до входа в Адмиралтейство. Костя изo всех сил пытался разглядеть флюгер, со скрипом поворачивавшийся на шпиле адмиралтейства от порывистого весеннего ветра.

— Говорят, вон в том яблоке клад спрятан! Вырасту, велю достать его! Правда, Карл Иванович?

— Всенепременно, Ваше высочество!

Наконец нас пустили на верфь. Протасов вертелся вокруг меня, как наседка, опасаясь, как бы мастеровые на меня ничего не уронили с высоты палубы или рей. Мы же с Костиком, задрав головы, таращились на высоко возносившееся над нами переплетение стеньг, рей, тросов и вант, поражаясь размерам и беспримерной сложности парусного вооружения гигантских кораблей.

Два судна как раз готовили к спуску на воду. Они стояли на мощных полозьях, имевших уклон к воде; от внезапного спуска их до поры страховали деревянные «башмаки». Тут же из оставшихся после постройки кораблей деревянных обрезков были разложены костры, на которых грелись гигантские, двадцативедерные котлы. В них лениво булькало густое варево, состоящее, как нам сказали, из мыла, дёгтя и свиного сала. Набирая эту адскую смесь огромными деревянными черпаками в деревянные же, собранные из клёпок вёдра, мастеровые споро мазали дымящимся варом наклонные пути, создавая на них толстенный, в два пальца, слой смазки для скольжения корпуса судна в воду.

– Теперь будут толкать! – произнес Протасов, глядя, как работники побежали к кораблю, занимая заранее уже известные им места.

Взявшись, где за веревки, где просто руками упершись в корпус, где уперев в него длинные следи, рабочие под хриплые выкрики бригадиров начали толкать корабль.

– Тут главное, его стронуть. Дальше по смазке он сам пойдёт... А, вот, уже!

Гигантский корпус вдруг дрогнул и, набирая скорость, кормом вперёд с шумом и брызганием вошёл в темные воды Невы. Сначала, от огромной инерции разгона корма его погрузила в тёмную воду так сильно, что, казалось, его совсем сейчас захлестнет водою; мачты корабля угрожающе зашатались. Но, затем, оконечность вынырнула, высоко выпрыгивая вверх, мачты со всею оснасткою вновь угрожающе качнулись, рассекая маятником воздух, и мощная волна речной воды хлынула на берег, отчего рабочие стали подпрыгивать и разбегаться.

– Ну вот, всё благополучно, благодарение Богу! – воскликнул присутствовавший при спуске морской офицер.

Рабочие взялись за второй корабль; он был больше первого, но не имел пока ни такелажа, ни мачт.

– Его тоже опускать будут? – удивился Костя.

– Да, – ответил ему офицер. – Мачты и прочее оснащение поставят уже на воде!

– А пушки где? – не унимался братец, решивший, видимо, известить сегодня взрослых своими вопросами.

– Пушки и большую часть балласта поставят в Кронштадте. Нева слишком мелководна, чтобы принимать глубокосидящие суда – ответил ему офицер.

– Это что было, линкор? – спросил я его.

– Никак нет, это фрегат; а тот, что первым спустили – шнява. Линейные корабли строят на других верфях, тут для них слишком мелко!

– А вас как зовут, сударь? – спросил я у немолодого офицера.

– Масальский Даниил Афанасьевич, корабельный мастер!

– Давно уже строите корабли?

– Да, преизрядно. Это тридцать пятый мой питомец!

– Здорово. А где найти вас, в случае чего?

– Я квартирую на Васильевском острове, в доме майора Телегина.

– Очень хорошо, А служите вы тут, в Адмиралтействе?

– Нет, не только. Мои суда строятся на разных верфях!

Наконец, второе судно со страшным скрежетом и скрипом было спущено, и, подняв волну, закачалось на тёмных водах Невы. Лишь после этого Сакен смог утащить Костика с верфи.

Посещение Адмиралтейства оставило во мне двойственное впечатление. Конечно, отработанный процесс спуска на воду судов вызывал уважение. Но в то же время даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять все недостатки в проводимых работах. Так, костры для плавки жира, которым обмазывались стапельные пути, разложены были слишком близко от корпусов судов, что грозило пожаром; замеченный мною инструмент мастеровых был дурного качества, а на спускаемых кораблях шапками висел мокрый, почти растаявший снег. Это означает, что корпус корабля намок, и начнёт теперь гнить еще до того, как корабль будет принят в эскадру.

Много тут ещё предстоит изменить. Много.

Глава 2.

Следующий день начинался как обычно. Мы закончили фриштык; Де Ла-Гарп уже ждал нас на стульях, но тут Остен-Сакен вдруг сказал что-то Курносову, и братец мой пришел в совершенно неистовую ажитацию.

— Петя приехал! Петя приехал! — закричал он, вскочив и прыгая по гулкому паркету на одной ноге. Даже приезд родителей не вызвал у него такого восторга, как явление этого, неизвестного мне, «Пети»!

— Побежали на лестницу встречать его! — выкрикнул, наконец, Константин, и первый, сломя голову, рванул по Тёмному коридору к Салтыковской лестнице.

Пошёл за ним и я, недоумевая, отчего такой ажиотаж. Вскоре всё разъяснилось: хлопнула дверь, впуская с Невы свежий весенний воздух, и внутрь вошел молодой человек в гвардейском мундире.

— Петя, мы здесь! — во всё горло заорал Костик.

Оглянувшись на нас, юноша улыбнулся, помахав нам рукою с зажатými в ней белоснежными перчатками, затем, наскоро переговорив о чём-то с богатырского роста швейцаром, он стремительно взбежал по лестнице к нам.

— Петя! Петя!

Коленька Салтыков бросился прямо по лестнице ему навстречу; за ним побежал и Сережа, и Костя.

— Ну, шалопаи! Как выросли-то! Молодцы! — кричал молодой человек, хватал мальчиков за бока, щекотал и подбрасывал вверх, отчего они хохотали, как сумасшедшие. — А вас, сударь, — обратился он ко мне, — я, пожалуй, и не подниму. Вымахать изволили с версту коломенскую!

Чуть позже я аккуратно выпросил у Игнатъича, что это за хлыщ. В общем, господин этот оказался старшим из племянников Николая Ивановича Салтыкова. Служил он в гвардии, в Измайловском полку, в обер-офицерском звании, а раньше подвизался тут, с нами же, так что все его знали и любили.

Хоть они с Николаем Ивановичем были родственники, догадаться об этом по его внешности было совершенно невозможно. В отличие от горбоносого, низенького, с желтоватым оттенком кожи лица, субтильного дяди, Петя был круглолиц, румян, и имел вполне себе гвардейский рост. Дядя же его, со своими густыми бровями и длинным орлиным носом, походил не на столбового русского дворянина, а скорее на престарелого гастарбайтера-таджика.

Названный господин, между прочим — генерал-аншеф, вскоре появился тоже, радостно обнял племянника.

— Какой ты стал, а! Совсем взрослый, в мундире-то! — возвестил он после троекратных лобызаний с юношей, бывшим выше его на добрую голову. — Ну рассказывай, зачем пожаловал, как дела?

Оказалось, Петя был «командирован» от полка сопровождать кортеж императрицы в Крым, а ныне, по возвращении её в Москву, направлен, в числе прочих, проверить путь в Петербург — и саму дорогу, и запасённых лошадей, и путевые дворцы, на предмет готовности к проезду императорского кортежа. Императрица возвращается из Таврического путешествия, и все дворцовые службы должны быть готовы к приезду её многочисленного двора.

— Куда изволит ехать императрица?

— Должно, сразу в Царское село, не заезжая в Зимний. Просила передать, чтобы ехать вам в Москву, встречать её! Готовьтесь к поездке, «Ваши Величества»!

— Урааа! Едем в Москву! — заорал Курносов, крутясь на паркете на одной ножке и размахивая деревянной саблей; даже флегматичный Сакен бросился его урезонивать.

— И когда Ея Императорское Величество ожидать?

— Должно быть, недели через две; на сей предмет я привез вам, дядюшка, письмо ея Императорского величества!

И Петя передал Николай Ивановичу запечатанный большими сургучными оттисками пакет.

— Как здоровье и настроение Её императорского величества?

— Путешествие ей понравилось, но утомило чрезвычайно. Вскоро она будет в Москве; должно быть, приедет в добром расположении духа, хоть сейчас и печальна.

— Отчего же?

— Неурожай, дядюшка. По всей стране сильный же был неурожай, особливо на юге; а магазины* (в то время так называли склады-прим.) вдруг оказались или вовсе пусты, или с испорченным зерном. Потому кругом голод, крестьяне ходят по трактам и попрошайничают, и она это знает, и все, бывшие с ней, иностранные посланники.

Брови Салтыкова — «дядюшки» полезли вверх.

— Так: это презабавно. И кто же из господ наместников ныне отличился?

— Да почитай, что все: и тульский, Андрей Иванович Лопухин, и московский главнокомандующий Еропкин Пётр Дмитриевич, и многия иные. В Туле матушка так расстроилась, что просидела в своём апартаменте безвылазно, ни в театр, ни на фейерверк не выходила, даже с дворянством не встретила. Всё собрание ждало её, и напрасно.

— Так в Туле же, вроде, был Заборовский?

— Уже нет, сей муж ныне перемещён на Владимирское наместничество!

— Ну, он там наворотит... а что наместник Новгородский?

— Ну, дядюшка, г-н Архаров, как тебе должно быть известно, любит больше гонять разбойников по трактам, чем наполнять зерном магазины!

Салтыков сардонически усмехнулся, что, при его внешности, оказалось исключительно органично.

— Да уж, господин сей всей Москве известный, да и в столицу его слава докатилась!

— Как бы и сам он, дядюшка, до столицы не докатился. Вон, был в Москве, теперь в Новгороде, а там и до Северной Пальмиры нашей доберется!

— Упаси Бог! Ладно, Пётр, поболтай пока с воспитанниками моими, а мне надобно службу исполнять — пойду, послание государыни прочту. Очень юные великие князья о тебе печалились, вспоминали ежечасно!

— Петя, дай шпагу проиграться! — сразу пристал к молодому человеку Костик.

— Бери, — поколебавшись, ответил юноша, и отстегнул шпагу с пояса вместе с ножнами.

— Только, чур, аккуратно, она отнюдь не деревянная!

— Ааа! — в восторге Костя схватил оружие и закружился с ним на одной ножке.

— В каком ты, Петя, чине? — спросил его я.

— Поручик, Ваше Высочество!

— Давай, что ли, по-простому с тобой будем, на «ты»!

— Нельзя мне теперь Ваше Высочество!

— Ну, значит, и я с тобою на «вы» теперь буду. Вы прям и в Крым ездили, и везде?

— Да, сопровождал Императрицу, в числе прочего конвоя.

— И как вам показалась сия поездка?

— Невероятно занимательно! Полуденный край, несомненно, много богаче нашего Севера, и, как обжит будет, станет раем на земле. Там сейчас уже на ровном месте строятся города: Екатеринослав, Елизаветград, Херсон, только построенный Севастополь, и мы во всех них были!

Рассказывая о поездке, Петя оживился; казалось, его до сих пор захватывают представшие ему невероятные картины. Дядя же его был далеко не в восторге.

— Да, пустил пыль в глаза князь Потёмкин с этою поездкой! — недовольно заметил Салтыков-старший. — Осьмнадцать миллионов грохнули на покатушки сии.

— В Севастополе — продолжил Петя, — мы видели наш новый, только выстроенный флот. Бухта его очень живописна и примечательна: высокие горы полукружием огибают широкий и глубокий залив, очень удобный для стоянки судов. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврического, Государыня Императрица и назвала Севастополем. Видел бы ты

это, Саш... Ваше высочество! Вообще, Крым — живописнейшее место, с роскошными долинами и горами; они так прелестны, что все прилежащие селения походят на сады. А климат там много приятнее: в феврале уже, бывает, там пахнут землю, в марте — сеют, и урожаи замечательные!

— Да ты про фейерверки лучше расскажи — влез в разговор настырный Курносов. — Фейерверки-то были?

— Оооо! Такого количества фейерверков, доложу я вам, Ваше высочество, я не видел и в Петербурге, и верно, уже не увижу за всю свою жизнь. В каждом городе были празднества, представления, куртаги. Впрочем, вы, верно, ещё посмотрите на это в Москве!

Костя меж тем достал шпагу из ножен и начал втыкать её прямо в паркет. У меня зубы заныли при мысли, сколько будет стоить ремонт. Хорошо хоть платить не мне!

— Простите, что прерываю ваш разговор, ваши высочества — наконец, не выдержал Де Ла-Гарп, до сих пор терпеливо ждавший окончания беседы с Петей Салтыковым, — но нам надобно начинать урок. Вы позволите, господин офицер? — со значением спросил он Петю, и тот, правильно поняв тон вопроса, забрал шпагу и раскланявшись, удалился на верхний этаж, в апартаменты Николая Ивановича.

— А я хочу поиграть с Петей! Я так давно не видел Петю! Я люблю Петю, а тебя — нет! — злобно выкрикнул Курносов в лицо Де Ла-Гарпу.

Швейцарец отнёсся к этому афронту совершенно стоически.

— Ваше Высочество, всем нам следует исполнять свой долг. Вам — учиться, а мне — учить. Извольте присесть и мы начнём урок!

— Нет!

Константин вдруг страшно разозлился. Щёки его налились румянцем, глаза стали маленькими, противными и злыми. Он упёрся, и более часа не желал приступать к занятиям.

— Давай уже учиться, Кость, — просил я его. — Надоело уже ждать!

— Ну тебя, ябеда! — огрызнулся на меня тот и демонстративно отвернулся. Ла-Гарп положил руку ему на плечо, и тут произошёл взрыв — Курносов набросился на него с кулаками! Он ругался, царапался, выл, а под конец — вцепился в руку швейцарца зубами! Бедный учитель побледнел, на лице его отразилось такое страдание, что я сам почувствовал, как ему больно; но ударить маленького засранца он так и не посмел.

В итоге занятий сегодня так и не было — прибежали Протасов и Сакен; вдвоём они наперебой корили Костю, который, в конце концов, отпустил руку Ла Гарпа, разревелся, и наотрез отказавшись с кем-либо общаться, убежал к себе в спальню. Багровый Остен-Сакен отправился за ним, Протасов пошёл за льдом — приложить к укусу, Ла-Гарп морщился, растирая ладонь.

— Больно? — участливо спросил я его.

— Пустяки, Ваше Высочество, — морщась, ответил он, потирая ладонь с багровыми полукруглым отпечатком зубов цесаревича Российской Империи. — В сравнении с тем, что приходится претерпевать дворянину на поле брани, это, право, пустяки! Но меня беспокоит, что из-за поездки в Москву в вашем обучении снова наступит перерыв!

За всю эту некрасивую ситуацию мне было крайне неловко — по-моему, это называется «испанский стыд».

— Давайте вы дадите нам задание, — ни найдя ничего лучшего, предложил я, — прочитаем всё сами, всё равно же в карете делать будет нечего!

— На ваш счёт я не сомневаюсь, Ваше Высочество, а вот принц Константин...

— Он еще совсем мал, (и очень плохо воспитан, добавил я про себя), от него трудно требовать разумного поведения... Но, честно говоря, мне кажется, что господин Сакен не справляется со своими обязанностями.

— Вы совершенно правы, Ваше Высочество, — уныло подтвердил Де Ла-Гарп. — Знаете, во времена рыцарства при английском дворе существовала особая должность. Занимал

её всегда дворянин, и обязанность его состояла в том, чтобы пороть наследника престола в случаях, когда он того заслуживал.

— Гм. А что, простой воспитатель или другой придворный не мог выпороть сына короля? Это, вроде был, несложно — удивился я такому бюрократическому подходу у всегда прагматичных англосаксов.

— Видите ли, Ваше Высочество, в чем тут штука: порка — это опасное дело, когда речь идёт о будущем короле. Придворный, взявшийся за такое, всегда будет опасаться, что его Высочество, став Его Величеством, захочет отомстить за боль и унижение, причинённые ему в юности, и потому всегда испытывает соблазн увильнуть от своих обязанностей или исполнить их недолжным образом. Из-за этого на сию неблагодарную роль назначали обыкновенно дворянина небогатого, но честного и прямого, с доброю репутацией и безо всяких связей и привязанностей при дворе. Причём, в отправлении его должности было одно правило: как только будущий король становился совершеннолетним, дворянин этот немедленно удалялся в изгнание, получив щедрое вознаграждение за службу и компенсацию всех хлопот, вызванных этою ссылкой.

Поразмыслив, я решил, что идея эта почти гениальна. И вспомнил ее Ла Гарп совершенно вовремя.

— Да, мосье Фредерик, вы полностью правы. Страшно не хватает Костику доброй порки. Страшно! Чувствую, погубит его бабушкино воспитание... Пороть его надо.

Итак, согласно воле императрицы, выраженной в привезенном Петей Салтыковым письме, мы с Костей должны были быть привезены к ней навстречу в село Коломенское под Москвой. Екатерина вскоре сама она должна прибыть туда после долгой поездки в Тавриду.

Мы переезжали вместе с воспитателями, камергерами, в сопровождении и под надзором Андрея Афанасьевича. Сборы заняли у нас несколько дней. Николай Иванович заранее послал в Екатерининский дворец в Коломенском фельдъегеря с уведомлением подготовить наши комнаты, и, лишь после этого мы тронулись в путь.

Перед отъездом я решил тактично напомнить Самборскому наш разговор.

— Отец Андрей, мне ту ночь снова было видение. Ангел сказал, что надобно императрицу убедить, что предсказания мои — верные! Оттого многих бед избежать можно, Отечество наше укрепить и прославить!

— Дитя, если предсказания верны, то они скажут всё сами за себя. Буде же не так, и сие вскоре прояснится. Ведь тебе сказано было, что война с турками начнётся вот-вот?

— Да, и нападут именно они! И шведы затем! Мне кажется, это очень-очень важно!

— Ну вот, надобно подождать, как исполнится по сему, и дальше вера вам, Александр Павлович, будет безграничная. Я же со своей стороны лишь поддержку буду высказывать, со всем возможным тщанием и тактом!

— Да, но говорить ли государыне?

— Думаю, не стоит, — рассудительно заметил Самборский. — Давай с тобою подождём и посмотрим, случится ли так, как тебе во сне сказано; и если всё так и произойдет, я засвидетельствую государыне сей случай!

Понятно. В общем, не верит он в мои «предсказания», и хочет все спустить «на тормозах».

— Но, отец Андрей, ведь это очень важные сведения для государыни, для наших войск, для флота! Мне думается, непременно надо это сообщить!

Ещё не успел я договорить, как понял, как неприятна Самборскому эта идея; с досады Андрей Афанасьевич даже губу закусил.

— Ваше Высочество, это очень важный и сложный предмет, сношений с иностранными державами касаемый! Не следует легкомысленно о сём рассуждать, от сего крайне дурные следствия проистечь могут!

— Но, Андрей Афанасьевич! Полагаю, от умолчания тоже ничего хорошего не последует!

— А если вы ошибётесь? Ведь вы тем себе сильно повредите, Ваше высочество!

— Я готов к такой вероятности!

— Воля ваша, но я вас, как духовный наставник, умоляю: воздержитесь! Обдумайте все ещё раз! При дворе так легко ошибиться, и так трудно исправить ошибку!

Я, конечно, обещал "подумать". На этом, недосказанном моменте, мы и расстались.

Засыпая, я думал, всё ли правильно сделал, верно ли разыграл свои карты. По сути, Самборскому, да и тому же Салтыкову, выгодно поддержать мою версию. Вряд ли им выгодно демонстрировать свою служебную несостоятельность! А то, что получится: явятся они все к Екатерине, бухнутся в ноги и сообщат: «Матушка императрица, недоглядели мы — внуком твоим любимым бесы овладели, да так, что изрыгает он теперь, на горе всем нам, разного рода непотребщину. Ты уж вели нас, дураков недостойных, за такой недосмотр лишить теперь всех чинов и званий, посечь сообразно вине, да отправить в Сибирь навечно!» Нееет, хренушки! Им интересно представить всё в выгодном для себя свете. Будут отмазывать и себя, и, выходит, меня тоже, со всем пылом и тщанием, обыкновенно свойственным дворцовым лизоблюдам. А раз так, надобно этим пользоваться! Надо привить и укоренить в моих «воспитателях» мысль, что им надо поддержать мою версию о «пророческом озарении», и, особенно, что именно эту версию надобно представить императрице. Как ни крути, возвышение их воспитанника, разумеется, для них выгодно — ведь они считают, что смогут оказывать на меня влияние. Потом, конечно, они поймут, как жестоко ошибались... но это уж потом.

аконец, настал день переезда в Москву. Наутро на лугу перед Зимним Дворцом выстроилась кавалькада колясок, карет, шарабанов, повозок, телег и возков, запряженных разномастными, фыркающими лошадьми. Камердинеры, швейцары, лакеи, пажи, солдаты из пожарной команды, жившие на чердаке Зимнего Дворца, сновали туда-сюда с тюками и узлами, полными всяческого барахла. Вперёд, как обычно, послали берейторов, разведать дорогу. Чуть поодаль, на Адмиральском лугу, верхом нас ждал «эшкадрон» коннгвардейцев в белых мундирах — они будут сопровождать нас всю дорогу до самого Коломенского. Наконец, мы сели в четырехместную карету, цугом запряженную шестёркой серых в яблоках лошадей; на одну из них верхом сел мальчик-форейтор, бывший, наверное, лишь на год или два старше меня. На закорки кареты встали двое лакеев, мы с «кавалерами» сели внутрь, и, с Богом, тронулись в путь.

Миновав покрытый свежей травкой и отцветающими одуванчиками Адмиральский луг, которому ещё только предстояло стать Дворцовой площадью, а теперь мирно паслись обывательские коровки и козочки, мы «Невскою першпективою» двинулись в сторону заставы. Улица была добротнo замощена и обсажена с обеих сторон деревьями с зеленеющими подстриженными кронами. Кругом нас деловито суетился большой столичный город: сновали обыватели, бегали мальчишки; какая-то собачонка увязалась за нами до самой заставы, увлечённо гавкая на наших лакеев.

Вот Невская першпектива осталась позади, и началась так называемая «першпективная дорога». Не проехали мы по ней и пары вёрст, как я твердо усвоил, что по России лучше путешествовать зимою, в санях. Трясло на ухабах немилосердно, причём, чем дальше уезжали мы от Петербурга, тем хуже становилась дорога. Всё чаще попадались нам участки, крытые «жердёвкой» — то есть, сплошь устланные поперёк брёвнами. Нет ничего более тряского, чем этот бревенчатый настил. Карета буквально подпрыгивала на этих брёвнышках, вытрясая всю душу из седоков, и никакие рессоры не помогали!

Местность становилась всё глуше. Поля перемежались лесами, леса-болотами. Миновали местечко София, где нашу карету заприметила стайка оборванных крестьянских детей — они долго бежали рядом с ней и «христардничали», протягивая свои маленькие, покрытые цыпками ручонки. Та же история повторилась в Тосне, а затем и в Любани, где кроме детей, попрошайничали и взрослые. Конногвардейцы пытались отогнать их, но это не всегда у них получалось.

Сердобольный Александр Яковлевич не мог отказать попрошайкам, и истратил в тот день все свои медные деньги.

— Отчего так много нищих дорогою? — спросил я его, когда мы такую же картину увидели и в Чудово.

— Неурожай был тот год, а в этот, говорят, тоже виды на урожай плохие, вот и ходят голодные целыми деревнями побирушиться. Какие помещики хорошие, те кормят в это время своих крестьян, но не все таковы!

Снаружи кареты раздалось вдруг хлопанье бича и крики

— А ну, пошли! Брысь отсюда!

Это кучер наш, которому, видимо, надоели уже побирушки, пустил в дело кнут.

— Не бей их! Не бей их! Скажите, чтоб он их не бил! Халдей проклятый! Сволочь! — вдруг, страшно покраснев, заорал во все горло Курносов.

— Ах, ты, Боже мой! Успокойтесь, ваше высочество, вы же так себя погубите! — всполошился всегда флегматичный Сакен. — Александр Яковлевич, скажите ему перестать! — Сакен бросился успокаивать Костю, кивнув в Протасову в сторону облучка, имея этим в виду, чтобы тот запретил кучеру бить кнутом голодных людей.

Карета остановилась.

— А я — что! Я службу исполняю, — оправдывался кучер Михалыч. — Они лезут прям под колесо, не дай бог, задавит кого, а кто виноват будет? Вот наедем мы на какого ни есть ребятёнка, так у него и кишки вон! А великим князьям разве можно такое смотреть?

Михалыч, конечно, был прав, и все это признали. Курносова, наконец-то, успокоили, что было совсем непросто. Я уже знал, что братец мой на редкость вспыльчивый субъект, хотя притом отходчивый и добрый.

— Ну, поехали уже! Давай, не балуй там! — наконец, скомандовал Протасов, совершенно не пояснив Михалычу, что же ему следует делать с побирушками. Поехали дальше; теперь наш кучер грозил голодным детям кнутом издали, чтобы они даже не приближались близко к карете. Так и доехали мы до почтовой станции.

Тут, как и везде далее, нас уже ждали сменные лошади и вытянувшиеся в струнку станционные смотрители, поэтому двигались мы бодро. Сделав больше ста тридцати верст, мы остановились на ночлег в Чудове, в Путевом дворце. Тут только я узнал, что для удобства путешествий государыни императрицы по всей стране построено и содержится добрых три дюжины путевых дворцов, в том числе пятнадцать по дороге из Петербурга в Москву. *Пятнадцать!* И все они находятся в полной готовности принять её или иных особ императорской фамилии. Везде есть штат слуг, истопников, лакеев, имеется кухня с припасами, на конюшне стоят лошади, прибирают комнаты... И так — по всей стране.

От мысли, сколько стоила постройка и содержание этих строений, не напрасно называемых *дворцами*, мне стало не по себе. Наверняка за цену каждого из них можно было построить не один склад, и под завязку наполнить его зерном! Нет, дворец, — это, конечно, приятно, но, склады с зерном, по крайней мере, позволили бы путешествовать, не наблюдая в окна кареты голодных детей-побирушек.

Впрочем, я уже понял, что в этом времени к бедности и жестокости относятся, как к неизбежному злу. Явления эти воспринимаются, как отхожее место — уничтожить оные нельзя, но

зато можно спрятать как можно дальше от людских глаз и никогда не обсуждать в приличном обществе.

На другой день мы выехали поутру. Предстояло проехать более сотни вёрст до другого путевого дворца в местечке Крестцы. Мы проехали местечко Спасская Полесь, копыта лошадей прогрохотали по деревянному настилу моста через речушку Плюса. Дорога, покрытая здесь разного размера камнем, прихотливо петляя, в середине дня вывела нас к древним стенам Великого Новгорода. Вид их меня удручил: сквозь старую побелку стен, полусмытую дождями, проглядывал древний красный кирпич; отдельные, видимо, недожженные кирпичи выкрошились тоже почти что целиком. На полуразрушенных зубцах стен весело зеленели берёзки, а одна из башен и вовсе развалилась, рассыпав по валу свои белёсые внутренности. На стены эти, потерявшие своё практическое значение, никто, видно, уже не обращал внимания. Зато ниже, под валом, виднелись приземистые земляные бастионы общепринятого устройства.

Мы переехали Волхов по впервые попавшемуся нам на пути каменному мосту. Мост этот в своей середине, где проходил судоходный фарватер реки, был разделен разводною частью, снабженную таким же гигантским противовесом, какие мы видели в Санкт-Петербурге.

Тут, на Торговой стороне, имелся ещё один Путевой дворец, приятное двухэтажное здание, ещё хранившее в своих стенах зимнюю прохладу, очень приятную после жаркого майского полдня. Здесь ждал нас обед, по случаю постного дня изобиловавший ильменской рыбой. После обеда нам надо было ехать дальше, но Костик вдруг так раскапризничался, что решили остаться тут на ночь, хоть это и сбивало нам весь график движения.

Ночь я провёл отвратительно. Дворец, видимо, не топили зимою, и оттого в комнатах стояла сырость, особенно мерзко чувствовавшаяся в ночь — постельное бельё отволгло и противно липло к телу. Даже императорские отпрыски живут тут, в общем-то, так себе — несмотря на огромную власть и неограниченные средства, комфорт их то тут, то там давал сбои. Путевые дворцы, из-за нечастого наезда сюда императрицы, вообще топили от случая к случаю, и оттого их отделка и стены сильно страдали, покрываясь трещинами и плесенью.

— Это оттого, ваше Высочество, что постелили вам на первом этаже — сочувственно заметил Александр Яковлевич. — Везде я говорю, чтобы спальни для великих князей стелили в бельэтаже, — там всегда много суше и теплее! А в цоколе всегда холодно от земли, и влажно от её испарений!

После скромного «фриштыка» мы отправились в путь. К сожалению, дорога так и не вывела нас к озеру Ильмень, которое я так хотел увидеть. Переехав деревянный мост через реку Мста, в середине снабжённый наплавной разводимой частью, мы, не торопясь, двинулись к Крестцам, где должны были появиться ещё вчера.

Большая часть дороги прошла в скучном наблюдении однообразных окрестных пейзажей. Пару раз встречали бригады, поправлявшие дорогу; нередко навстречь нам попадались повозки, кибитки, шарабаны, или просто крестьянские подводы — все они съезжали на обочину и покорно ждали нашего проезда. Костик поначалу вертел головой во все стороны, потом заскучал. Его развлекали, как могли — считали с ним вместе верстовые столбы, играли в слова; но скоро надоело и это.

— Давайте к нам сядет мосье Де Ла-Гарп или Андрей Афанасьевич — наконец предложил я. — Пока мы в дороге, можно послушать их уроки.

Все, кроме моего братца, идею признали хорошей. Остановили карету, послали пажа найти Самборского; он ехал в коляске позади нас. Мы с Костилом сели теснее, и отец Андрей, устроившись на место напротив, учил нас катехизису, пока Костя не запросил пощады.

Мы прервались, и Самборский, глядя в окно на серебристо-зеленые поля плохо, неровно растущего ячменя, затеял с Сакеном разговор о земледелии в Англии.

— Отец Андрей, — решился спросить его и я, — вы вот много прожили на Альбионе. Вам понравилось там?

— По мнению не только моему, но многих других, страна сия на нынешнее время занимает первенствующее положение в Европе в развитии наук, ремёсел, земледелия, торговли и всякого рода общественных заведений.

— Неужели даже и в земледелии?

— Да, Ваше высочество, все хозяйственные отрасли в этой стране равно успешны и развиты. Остается лишь позавидовать их благополучию! Глубокая вспашка железным плугом совершенной конструкции, травосеяние, высадка картофеля, сыроделие, прекрасно устроенное животноводство, — все это дает сельской Англии ее благополучие. Ну и климат, конечно, получше нашего. Но главное — прилежание, трудолюбие, и уважение к правам другого!

— А я-то думал, там одни только фабрики и шахты!

— Промышленных заведений там последнее время развелось великое множество. Есть графства, где заводских труб видится больше, чем растёт деревьев! День и ночь работают паровые машины, да так, что всё небо застилает дым; реки сплошь покрыты плотинами с водяными колёсами, а ночью небесный свод озаряется отсветами пламени из тысяч горнов и печей, горящих круглосуточно. Страна эта очень быстро меняется, особенно в последние годы!

— Говорят, — вмешался в разговор Протасов, — добродетель народа в Англии сильно испортилась со времен развития там фабричных заведений!

— Да, — согласился Самборский, — в нравственном отношении население сильно потеряло. В высших кругах все там бросилось в изобретательство и натурфилософию. Религия страдает, всё больше деизм и агностицизм, материализм и масонство. А простой народ сильно развращается на фабриках — нравы там развиваются крайне вольные!

— Расскажите лучше, что там в Англии с дорогами? — попросил Сакен, морщась на очередной колдобине.

— Дороги, когда я только приехал в Лондон, были не лучше наших, но в последние годы начались дивные изменения! Англичане начали строить дороги по примеру древних римлян, выстлая их камнем. Дорога в Бат ранее занимала три дня, а ныне дилижанс проходит её за двенадцать часов!

— Жаль, что мы едем не по этакому пути — добродушно усмехнулся Сакен, а Самборский до самой станции рассказывал всем, как здорово и удобно устроено всё в этой далёкой стране.

Следующая остановка была в Крестцах, где тоже стоял двухэтажный путевой дворец; третий день мы ночевали в Вышнем Волочке, четвертую ночь — в живописной Твери, и, наконец, на шестой день путешествия мы достигли «Петровского замка» совсем рядом с Москвою. Дорога утомила нас страшно, и даже Курносов, всегда бойкий и шепотливый, теперь лежал на подушках и жалобно просил почитать ему про «царевича Хлора».

Подъезжая к Петровскому замку, мы уже оттуда, за шесть вёрст, увидели окраины Москвы — верхушки колоколен, выступавшие из-за холма, крыши домов в опушке цветущих садов. Петровский замок считается первым по выезду из Москвы путевым дворцом по дороге в столицу. Протасов сказал, что императрица, путешествуя из Петербурга в Москву и обратно, всегда останавливалась здесь, поскольку в самой Москве достойной резиденции у неё не было. Старый дворец в Кремле давно уже стоял в запустении и требовал ремонта, дворец в Коломенском был далеко на юг от города, а новая резиденция в Царицыно не понравилась Екатерине, и так и не была достроена. Тут мы день отдыхали; затем отправились в подмосковное село Коломенское, куда с Тулы уже подъезжала возвращавшаяся из своей долгой южной поездки императрица.

Отдохнув в Петровском, мы отправились в Коломенское прямо через Москву, в отдалении уже видимую из окон дворца — обширный город, полукругом раскинувшийся на огромном пространстве. Издали перед нами предстала великолепная картина бесчисленных церквей, башен, позолоченных колоколен и куполов, белых, красных и зеленых крыш; все это сверкало и

горело в лучах солнца, предоставляя изумительный контраст с деревянными лачугами, которые виднелись между зданиями города. Местность была холмистая, лес кончался за несколько вёрст от города, сменившись лугами. Однако при ближайшем рассмотрении зрелище «древней столицы» оказалось очень... своеобразно.

Сначала на пути нам встретилась застава — два высоченных столба с фонарями, обозначающих проезд в город. Перед въездом в город скопилось множество подвод; возницы либо болтали друг с другом, собравшись в кучки, либо сидели по кабакам, видимо, специально для такого случая тут и построенным. Мы проехали, конечно, вне очереди благодаря сопровождавшему нас Пете Салтыкову, предъявившему на заставе нашу «подорожную». Остальным ожидавшим проезда путешественникам так не повезло — каждую телегу внимательно досматривали, что занимало уйму времени. Впрочем, возницы, как я заметил, времени зря не теряли — достав из специально запасенных мешков сено, раскидывали его прямо перед лошадьми, и, пока двигалась очередь, сами шли в кабак.

Для меня настоящим шоком стало то, что Москва по сию пору была окружена земляным валом и рвом, будто и сейчас ещё опасались нападения татарских орд. Удивило и то, что специальные чиновники и пожилые солдаты из инвалидной команды тщательно досматривали на въезде все фургоны и телеги. Я, как историк, прекрасно помнил, что внутренние таможи отменила ещё Елизавета Петровна, за что купцы преподнесли ей в дар бриллиант на золотом блюде. А это тогда что за люди шмонают наши пожитки?

— Что это за место? — спросил я у Протасова.

— Застава, и Камер-Коллежский вал, Ваше Высочество!

— Гм. А зачем они?

— Тут досматривают лиц, в город въезжающих, на предмет разного рода контрафактной продукции. В Империи нашей выделка и торговля водкой и солью подлежат особым правилам — осуществляется сие исключительно через откупщиков. Вот и проводят на заставах досмотры, дабы не везли в города незаконно выкуренную водку. Также, вал защищает от проникновения в город разбойников!

Внутри городской черты, впрочем, Москва напоминала скорее большую деревню. Вдоль улиц тянулись одноэтажные домишки, в большинстве своём довольно ветхие. Только ближе у Кремлю стали попадаться каменные дома богатых людей, служившие островками в этом море бревенчатых хижин и садов. Тут и там попадались церкви, возносясь маковками и крестами над окрестными постройками. Их было какое-то невообразимое множество, причём стояли они часто сразу по несколько штук в одном месте.

Улицы наполняли самые разные личности: крестьяне в армяках, ямщики в странных четырёхугольных шапках, татары, армяне, и ещё бог знает кто. У питейного заведения, увенчанного двуглавым орлом, попались нам пара пьяных мастеровых, пытавшихся, видно, добраться до дома; один из них был по пояс голый, лишь в онучах и портках, очевидно, пропив с себя даже рубашку.

Затем выехали мы на луг с пасущимися козами, неширокой полосой тянувшийся вдоль земляного вала. Оказалось, это вторая линия московских укреплений, а перед ними, как обычно, оставляли свободно простреливаемое пространство.

Проехав этот пояс, мы оказались в центре Москвы. Под колёсами загремела булыжная мостовая; чуть дальше улица получила и деревянные тротуары. Стало попадаться больше двухэтажных каменных строений; всё реже на улицах попадались люди в чисто русской одежде, уступая господам во «французско-нижегородском» платье. Женщин на улицах было мало: видно, что Москва была всё ещё много патриархальнее Петербурга. Зато детей шарахалось великое множество. Вообще, в путешествии этом мне казалось, что страна наша населена в основном детьми

— Как называется эта улица? — спросил я Протасова. Тот не знал; спросили прохожего, молодого парня в добротном кафтане иноземной ткани, видимо, купца или приказчика.

— Тверская, ваше сиятельство! — ответил он, сдёргивая шапку.

Вдали уже показались покрытые извёсткою кремлёвские башни. Чем ближе мы подъезжали, тем неопрятнее они выглядели. Видимо, от дождей побелка отваливалась кусками, и стены приобретали пеструю бело-красную расцветку. Кое где в углах примыканий башен и стен виднелись зеленеющие деревья, растущие прямо на стенах и башнях Кремля.

Вновь мы выехали на открытое пространство, переезжая через какие-то пруды. Самое удивительное, что в них копошились люди с лопатами и рыболовными сетями!

— Это Неглинная, Ваше высочество — сообщил мне Остен-Сакен. — Верно, чистят от мусора перед приездом Ея императорского величества!

Глядя на эти зловонные, покрытые ряской останки когда-то, видимо, красивой реки, я понял, почему в будущем её закатали в трубы. Иной объект проще разрушить до конца, чем восстановить!

На другой стороне Неглинной виднелись невысокие бастионные валы. Похоже, наместник нешуточно думает защищать город в случае вторжения неприятеля. Странно, почему при таком раскладе Москву сдали Наполеону безо всякого сопротивления примерно двадцать пять лет спустя....

Наконец мы поехали вдоль Кремлёвской стены. Впереди показались витые маковки храма Василия Блаженного. Неужели мы едем по Красной площади? Да нет...это какой-то сюр!

От этого знакомого всем нам места осталась только брусчатка — немного выпуклая плитка, звонко гремевшая под копытами лошадей и колесами нашей кареты. Большая часть площади была застроена лавками, и только та её часть, что примыкала к кремлёвской стене, была загорожена и свободна от торгового и празднующегося люда. Зато здесь стояли десятки артиллерийских орудий разной конструкции и размеров!

Костик аж завопил от восторга:

— Ой, смотрите, пушки! Карл Иванович, пушки!

— Тут, подле древних стен сих, хранится артиллерийский парк — пояснил нам Александр Яковлевич.

Как я понял, именно эти орудия должны будут встать на земляные валы Москвы в случае нападения неприятеля.

— Неужели прямо так, под открытым небом? — уточнил я, изумлённо глядя на покрытые лазурной патиной бронзовые стволы и лафеты с зелёной шелушащейся краской.

— Увы, Ваше Высочество, предметы сии весьма объемного свойства. Слишком большой надобен цейхгауз, чтобы укрыть их!

— У нас для людей-то казарм нет, разместить на зиму войско, — негромко, будто бы самому себе, пробурчал Сакен, — так что зимою все полки наши, кроме гвардейских, отягощают постоем обывателей. До пушек ли тут!

Здесь же, у кремлевской стены, примерно там, где когда-нибудь встанет Мавзолей, сейчас скромно притулилась пара избушек.

— А это что за сарай? — не смог я сдержать изумления.

— А сии постройки есть кордегардия. Здесь проживают гарнизонные, Московского полка, солдаты, охранявшие пушечный парк!

Очевидно, во всём Кремле для них помещения не нашлось.

Переехав Москва-реку по длинному и гулкому деревянному мосту, прогибавшемуся под нашею каретою, мы въехали в Замоскворечье.

Трудно представить ещё одно место, застроенное так неправильно, так своеобразно, и представляющее взору путешественника такие удивительные контрасты. Улицы по большей части чрезвычайно длинные и широкие; одни вымощены камнем, в других, в особенности в

предмestьях, мостовая бревенчатая или даже выстлана досками, наподобие пола. Москва – город контрастов; жалкие домишки стоят рядом с огромными дворцами; подле самых красивых домов видны курные избы, крытые дранкой. У многих каменных домов деревянные крыши; некоторые деревянные дома выкрашены, а ворота и крыши железные.

Во всех кварталах множество церквей, построенных в самых различных стилях; купола покрыты медью, оловом, вызолочены или выкрашены зеленой краской, крыши у многих церквей деревянные. Крепкие, утопающие в цветущих садах купеческие дома тут соседствуют с непролазной грязью улиц, запруженных телегами, гигантскими, выше человеческого роста, бочками и крытыми возами. В целом, Москва, и, особенно Замоскворечье, заселены и устроены очень неравномерно: одни «кварталы» походят на безлюдную пустыню, другие напоминают отдельный густо населенный городок; притом где-то стоят жалкие лачуги, пригодные лишь для деревушки, другие же вполне достойны европейской столицы.

В Петербурге такого нет. Там застройка более «регулярная» – если уж идёт улица с хорошими домами, то так и идёт до окраин. Здесь же чувствуется древний, «боярский» дух – весь город будто слеплен из маленьких островков, где в центре – господский дом, а вокруг ютятся прислуга и всякого рода зависимые лица.

На выезде нас опять ждала земляная бастионная крепость, полностью окружавшая Замоскворечье – видимо, южную часть города по традиции защищали особенно тщательно. Потом мы долго ехали до Коломенского по пыльной грунтовой дороге, обильно застроенной деревнями и сёлами. Места здесь были непривычно безлесные – всё леса вокруг Москвы вырубали еще при Василии III.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы увидели впереди сияющие в закатном солнце кресты и золоченые «яблоки» на колокольнях Коломенского.

– Ну, слава Богу, добрались благополучно! – с облегчением произнёс набожный Протасов, истово крестясь на купола.

Место это мне понравилось. Здешний дворец выглядел снаружи довольно просто, сильно контрастируя с барочно-классическим великолепием Царскосельского дворца. Он оказался четырёхэтажным, притом два нижних этажа каменные, и два верхних – деревянные. В зиму, видимо, он не топили, и в комнатах стояла приятная, прекрасно освежавшая нас после летней жаркой дороги прохлада. Отлично выспавшись, наутро мы с Курносовым и кавалерами гуляли по огромному местному саду, отмахиваясь ветками от только появившейся надоедливой мошки.

Андрей Афанасьевич, будучи единственным нашим учителем, проследовавшим за нами в Москву, взялся за дело всерьёз. Каждый день мы утром и вечером ходили в церковь, причём меня ещё и исповедовали, (Костю – ещё нет). Дообеденное время уходило на чтение катехизиса; после обеда мы гуляли по саду. Однако, когда поднялась уже нешуточная июньская жара, мы с Курносовым уговорили нашего законоучителя поменять порядок дел, чтобы гулять по утренней прохладе.

Если вы бывали в Коломенском в 20-м или 21-м веке, должно быть, видели здесь множество разных деревянных, бревенчатых строений, крытых серебристой осиновой дранкой. Но сейчас, в конце осемнадцатого века, ничего подобного и в помине не было – всё это свезли для туристов уже при советской власти. Зато здесь, в Коломенском, оказалось множество самых живописных садов. Кроме плодовых деревьев, росли в изобилии липы, вязы и пихты с забавными, торчащими вверх шишками. Особенно хороши были мощные, в три обхвата, дубы, под которыми, говорят, маленьким мальчиком когда-то играл сам Пётр Великий.

Александр Афанасьевич, страшно любивший всякое садово-огородное дело, постоянно таскал нас на Аптекарский огород с лекарственными травами, увлечённо рассказывая, для каких нужд употребляется полынь, для каких – мята, зачем нужны подорожник и зверобой. Огороду этому, с его слов, была уже не одна сотня лет.

– А картофель тут выращивают, Андрей Афанасьевич? – поинтересовался я.

– Увы, Ваше Высочество! Полезный овощ сей, хоть и ввезен к нам давно, но по сию пору распространения у поселян не получил.

– Отчего же?

– Кто знает? Видно, просто беспривычные они! Бывает, вместо клубней ягоды едят, потом животом маются. Бывает, клубни от солнца не укроют, они и зазеленеют; ну и снова, народ через то болеет, и больше уже никакими силами их не убедишь, что корнеплод сей вполне полезен. Иные так и вообще, толкуют что, мол, дьявольское то зелье, раз под землю растёт, хотя про репу со свёклою такого никто не выдумывает.

Ндааа... Я припомнил историю, уж не знаю, правда это, или исторический анекдот, про то, как распространял картофель среди своих подданных Фридрих Великий. Он, посадив поля возле своего дворца, приказал их усиленно охранять. Местные крестьяне, видя, как тщательно берегутся посевы, решили, что это нечто очень дорогое и ценное, и стали усиленно воровать клубни и сажать их у себя. В общем, Старый Фриц (кстати, умер он совсем недавно, года четыре назад), проявил в этом деле неслабое знание человеческой природы и тонкость непрямых действий, удивительную для такого солдафонистого господина, каким я его всегда считал.

Всё это конечно хорошо, да только, как известно, что русскому здорово, то немцу – смерть, и наоборот. Россия слишком велика, чтобы приобщиться к картофельному делу от одного единственного дворцового поля. Нам надобно делать как-то по другому; а то у нас, чего доброго, колорадские жуки заведутся раньше, чем картофель, и сразу же с голоду вымрут.

– А кто-то занимался распространением картофеля в наших краях? – спросил я Самборского.

– В Петербурге имеется Вольное экономическое общество, учреждённое для улучшения земледелия. Да и тут, ближе к Москве, есть один господин, очень увлеченный внедрением новых сортов и культур, и вообще, хозяйственными улучшениями: тульский помещик, Андрей Тимофеевич Болотов, управляющий Её Императорского Величества Богородицкими поместьями.

– А вот бы его, Андрей Афанасьевич, пригласить сюда, поговорить с ним!

Самборский с сомнением покачал головою.

– Сейчас это будет, наверное, затруднительно. Ведь императрица уже едет из Тулы сюда, и вскорости тут будет, а с нею много её спутников. Они заселят и дворец, и все окрестные места, и Болотову трудно будет найти даже место, чтобы здесь поселиться. Затем будут празднества в честь 25-летия воцарения Императрицы Екатерины, и в Москве опять будет масса народу. Впрочем, в Москве у него, кажется, есть родственники, – должно быть, он сможет поселиться там.

– А сейчас он где, в Богородицке?

– Сего я, конечно, не ведаю; но, должно быть, в Туле, ведь там императрица встречалась со своим дворянством! Наверно, и он в губернский город верноподданно поспешил!

– Понятно. Надо его как-то застать, в Туле или где ещё. Отпишите ему, что я был бы рад его видеть, и, пока мы в Москве, это было бы удобно!

Вообще, найти таким образом человека, конечно, проблема. К счастью, Петя Салтыков вызвался оказать эту услугу. Андрей Афанасьевич дал ему нужную сумму денег, и тот верхом отправился в Тулу.

Два дня прождали мы в Коломенском, пока, наконец, не прибыла императрица со своею гигантскою свитою. Нас заранее предупредили о предстоящем приезде, и мы уже ожидали её у каменной стены, со всех сторон окружавшей Коломенское. Вскоре на дороге появилось облачко пыли; в ворота въехали «трабанты» из конногвардейского полка и «гайдуки» казачьего вида; затем, в сопровождении разномастных всадников, но уже не солдат, а «кавале-

ров», не желавших трястись в шарабанах и кибитках, въехала большая, видимо, 6-ти местная, карета. Серая дорожная пыль густо покрывала её роскошно украшенные бока, а область возле колёс заметно забрызгалась грязью дорожных луж. С запяток её соскочили лакеи, подставляя лесенки с обеих сторон; в открытое широкое окно кареты нам уже махали рукою.

– Бабушка приехала! – экспрессивно прокричал Курносов, и, держась за руку Сакена, принялся прыгать на одной ножке.

Наконец, лакей открыл дверку кареты, и невысокая полная женщина вступила на порог, улыбаясь встречающим. Это и была императрица Екатерина II, которую я совершенно не узнал.

Костик бросился к ней в объятия; я поспешил следом, однако, не бегом, а быстрым шагом, всё ещё не веря своим глазам.

Я помнил её внешность по картинам, и был поражён – она очень сильно отличалась от изображений! Тяжеловесный, двойной подбородок, грубоватые черты лица, резкая складка от носа к уголкам рта, – всё это разительно отличалось от привычного по школьным иллюстрациям облика. Но Костик определенно бросился именно к ней, и зарылся лицом в подол её серого дорожного платья.

Поймав Костю в объятия, она сначала выпрямилась, перекрестившись на купола возвышавшейся невдалеке церкви; затем, склонившись, стала вертеть его и тормозить.

– Костюшка, дай-ка я посмотрю на тебя! Вот молодец, какой, растешь, скоро брата догонишь!

Тут она обернулась ко мне и светлые глаза её зажглись особенной нежностью.

– Как же я соскучилась по вам в дороге, душечки вы мои! Да ты повзрослел, Саша! А вырос-то как! И глаза совсем другие стали, взрослые!

Я поклонился, прикоснувшись губами к её прохладной, пахнущей пудрой руке.

– Наконец я могу видеть вас, *ma grand-mere*! * (бабушка - прим.) Хорошо ли вы доехали?

– Очень устала, Сашенька. Путешествие, конечно презанятное, но очень всё это утомительно! А всё-таки жаль, что вы не смогли поехать со мною!

– И мне жаль, *ma grand-mere*, – совершенно искренне ответил я.

Екатерина очень внимательно посмотрела мне в глаза, и от взгляда её светло-серых глаз мне стало вдруг не по себе. На какое-то мгновение мне показалось, что сейчас она догадается, что яне нё внук, а совсем другое, чуждое её существо.

– Ты сильно изменился, господин Александр – наконец после долгой паузы произнесла она. – Стал взрослее и ...отстранённое.

– Со мною кое-что случилось, *ma grand-mere*. Нечто странное, да так, что и не знаю, как и рассказать-то!

– И что же? Расскажи мне?

– Давай позже, ты устала с дороги, теперь отдохни, а там и поговорим!

Императрицу тут же отвлекли другие встречающие – московский наместник Еропкин, граф Шувалов, да и наш учитель, Самборский. Я продолжал таращиться на неё, всё никак ещё не веря в такое несовпадение школьных изображений с реальностью. При общении с придворными лицо её, глубоко нерусское по типу, неизменно сохраняло натренированное выражение благосклонности, и, кажется, лишь нам с Костей она улыбалась по-настоящему. А я всё глядел и пытался предугадать, как мне вести себя с нею в предстоящей беседе.

Очень страшно было затевать этот разговор. Но, если я хочу значить что-то уже сейчас, а не через двадцать лет, то надо мне чего-то предпринимать! Самборский меня прикроет, с ним все обговорено, но... всё равно, страшно! Хоть и называют это время Галантным Веком, в случае чего никто миндальничать не станет! Тот человек на площади, которого мы видели зимою во время торговой казни, наверняка мог бы подтвердить!

Но говорить надо, причём нельзя это дело затягивать. Не сегодня-завтра государыня начнёт вызывать моих воспитателей – и Протасова, и Самборского, – и расспрашивать их про моё поведение за время её отсутствия. И они явно много чего порасскажут – как резко я изменился, как не желаю больше общаться с родителями, как почти перестал играть с сёстрами и с Костей; что я вдруг резко позабыл французский и немецкий язык, которые понимал еще в четырехлетнем возрасте, и еще кучу всего, что я сам за собою не замечаю, но зато прекрасно всем видно со стороны. Нет, лучше уж, пусть узнает от меня, чем от других людей, в сопровождении неизвестно ещё каких комментариев.

И, выбрав время, когда государыня отдыхала после обеда, я, с позволения Протасова, отправился к ней.

Императрица оказалась в беседке; она пила кофе в компании двух немолодых дам.

Взойдя по гулким деревянным ступеням в открытый летний павильон, напоённый запахами я, не очень-то представляя, как себя вести, первым делом неловко поклонился.

– О, молодой человек, к нам пожаловал! Проходи, миленький, ближе! – отческим тоном приветствовала меня дама, бывшая, пожалуй, самой пожилой из всех; на её открытом лице с добрыми глазами читалось искренняя привязанность к тому мальчику, чьё тело я занял несколько месяцев назад. – Да что ты встал, проходи же к нам!

– Дичится он, – заметила другая дама, с длинным носом и вытянутым лицом. – Отвык, видать, от дамского общества, пока мы по Тавридам разъезжали!

И у той, и у другой дамы я заметил на груди одинаковое украшение – бриллиантовый вензель в форме буквы «Е», со стилизованной короной сверху.

– Подойди, Сашенька, поздоровайся с Марьей Саввишной и Анной Степановной – покосившись на товарок, с улыбкой произнесла Екатерина. – Чаю будешь? У нас варенье земляничное, твоё любимое!

– Благодарю покорно, – ответил я, сам пытаясь при этом улыбнуться. – Мне бы с ва...тобою поговорить, та grand-mere, но только тет-а тет!

– Ой, ну ты подумай! – добродушно восхитилась та, которую звали Марья Саввишна. – У него нынче секреты появились! Неужто сердечные? Совсем вырос уже, жених стал!

– Ну, Марья Саввишна, раз молодой человек настроен секретничать, так нечего и мешаться тут нам, кошёлкам старым – откликнулась Анна Степановна. – Пойдем лучше, кости разомнём, а то я от этой дороги по сю пору больная!

– Да пойдём, пойдём, я же супротив не говорю! – ответила та, – нам идти? – уточнила она, глядя на императрицу. Екатерина кивнула, и дамы, поднявшись, выполнили церемонные реверансы и, накинув шали, отправились прогуляться по замечательному коломенскому саду, ещё не утратившему цвет своих ветвей.

Мы остались с Екатериной одни, если не считать пары лакеев и «кофешенка», стоявшего чуть в отдалении с готовым кофейником и сервировочным столиком. Но, слуг тут в расчёт не принимают.

– Так что же тебя беспокоит, дитя? – участливо спросила Екатерина.

Ну, была, не была!

Делаю глубокий вдох... ну, поехали!

– Меня, с болезни моей, начали вдруг посещать престранного рода видения. Бывает, вдруг во снах я как будто начинаю видеть будущее! Я говорил на сей предмет с Андреем Афанасьевичем, и он считает, что это проявление Божией ко мне благодати!

Выслушав всё это, Екатерина смотрела мне в глаза с нарастающей тревогою. Похоже, что услышанное ей очень не понравилось, и, признаться, я её очень хорошо понимал. Ни одному нормальному человеку слово «видения» ни о чём хорошем не говорит. Эх, надо было как-то по другому...

– Как ты говоришь, Саша? Видения?

Серые глаза императрицы буквально впились в мое лицо.

– И что же ты видел? Расскажи, дитя моё!

– Я видел, что турки объявили нам войну. Посланника нашего, Булгакова, заточили в Семибашенный замок, а на берегу Золотого Рога выставили бунчук! По их правилам это значит объявление военного похода... Уже скоро, в этом году сие будет!

Лицо Екатерины будто бы окаменело. Тяжелый подбородок стал ещё твёрже, прорезав складки от крыльев носа до кончиков рта, а серые глаза налились сталью.

– Действительно, друг мой, дела наши на Юге теперь непростые. Очень в Стамбуле не рады тому, что на Чёрном море мы утвердились. Князь Потёмкин там всю города строит, порты, гавани, флот на воду спускает... Жаль, не видел ты ни Кременчуга, ни Херсона – замечательные города! Но, турки, конечно, бесятся – им всё это, как ножом по горлу!

Екатерина поморщилась, как от зубной боли.

– И берлинский, и лондонский кабинеты султану нашёптывают, пропозиции разные делают, чтобы с нами рассорить. Нам же сие ни к чему! Переговоры с султаном ведутся, даст Бог, всё сладится. Мы теперь уступаем им всячески. Бесплатно дали крымскую соль, вывели войска свои из картлийского царства. Воевать мы с султаном не собираемся, хоть и готовимся к сему ежечасно!

– Это они войну нам объявят, а не мы им! – уточнил я. – Потребуют Крым вернуть, флот уничтожить!

Её глаза пытливо всматривались в моё лицо, отчего мне стало очень не по себе.

– Ты уверен, друг мой?

– Совершенно!

– Что же... – в раздумьях произнесла императрица, – теперь мы готовы лучше, чем в прошлый раз!

– Ещё я видел, что в поездку эту вы с императором австрийским заключили союз, и притом Балканы разделили, но он свой союзный долг надлежаще не исполнит! – продолжил я.

Тут случилось нечто совершенно неожиданное – в глазах Екатерины я прочитал настоящий страх!

– Кто тебе сказал это? – произнесла она, и взгляд её вдруг стали жёстким, как конская грива.

– Никто не говорил, *ma grand-mere*!

– Как ты об этом узнал? Комплот сей секретен, и знают о нём лишь четыре человека во всём мире!

– Вещий сон же был! А ещё, надобно тебе знать, что вслед за турками нам объявят войну ещё и шведы!

– Однако, это удивительно! – Екатерина опасливо и оценивающе посмотрела на меня, будто бы увидела впервые. – Ты очень сильно изменился за это время, Сашенька. Говоришь совсем по-другому, иначе себя ведешь... Не знаю, к добру ли сия перемена! – Императрица продолжала глядеть на меня, будто не могла принять никакого решения, и затруднение это очень начало её беспокоить.

– Учителя твои много раз говорили мне, что ты ведешь себя странно. Разговариваешь с ними о предметах и вещах, не свойственных твоему возрасту и положению. Не верю я во всю эту мистику, а уж, тем паче, в визионерию! Противно то природе вещей. Многоуже в Петербург приезжало всяких проходимцев, уж я на них насмотрелась! Все эти калиострусы, сен-жермены суть мошенники и воры. Но, Сашенька, право, от кого ты этому нахватался? Раньше таких фантазиев за тобою не было! Кто научил тебя этому, дитя?

Ай-ай-ай, как нехорошо поворачивается разговор!

– Никто, решительно никто! Токмо ночные видения! Бабушка, ведь слова мои легко проверяются! Подождите лишь, как турки объявят нам войну; до того недолго осталось. Союз наш с Австрией будет очень кстати! А на другой год и Густав шведский возьмется за рать!

Наконец императрица приняла решение. Взгляд её вдруг стал твёрд, и, как будто бы, пронзив мне лицо, ушел в иное пространство.

– Давай мы с тобою сделаем так: я поговорю с Андрей Афанасьичем, и вместе мы решим, что всё сие значит и как нам поступить! А ты пока никому ни о чём не рассказывай. Никому, даже Косте! Понял, Сашенька? Ну, да ты у меня молодец – все хорошо будет! А теперь, прости, мой друг – устала с дороги, и в баню страшно хочется!

И я ушел, оставив позади этот тяжелый разговор. Впрочем – а что «я»? Люди погибнут, очень много людей погибнет, вот кому тяжело-то будет! А я уж, как-нибудь, потерплю.

Через полтора часа.

Отец Андрей, вызванный вдруг к императрице на конфиденциальный разговор, внешне был совершенно спокоен. Внутренне же духовник малолетних великих князей холодел: он догадывался о предмете предстоящей беседы, и страшился её. Дело относилось к его самому непосредственному ведению, и грозило создать очень неблагоприятные последствия. Шутка ли – прошибка в воспитании цесаревича!

Андрей Афанасьевич знал, среди клира и так уже шла о нем дурная молва. Слишком, мол, долго прожил он среди англичанских еретиков, да и нахватался там всякого! И так уже многие иерархи замечания делают, и что бороду бреет, и супругу-англичанку его поминают... В общем, репутация у Самборского неоднозначная, как говорят на Туманном Альбионе – фифти/фифти. И, если с цесаревичем случится что-то потустороннее, или даже, просто негативное, та же душевная болезнь, например – тотчас спустят на его вероучителя всех возможных собак!

Нет, допускать до скандала никак нельзя. Это будет конец всех трудов и начинаний, – ортодоксальные противники не замедлят воспользоваться этой историей, чтобы очернить его перед Императрицею и всем светом!

Наконец дверь покоев государыни отворилась.

– Войдите, отец Андрей, государыня ждёт! – камердинер Екатерины, Захар, появившийся в дверном проёме, смотрел на Самборского сочувственно и с тревогою. Да, дело серьёзно!

Императрица встретила его сидя в глубоком кресле. Она успела сменить дорожный костюм на скромное летнее платье; на лице её читалась усталость и тень каких-то затаённых, гнетущих размышлений.

– Андрей Афанасьевич, я вызвала вас поговорить о Саше. Ещё весною Николай Иванович Салтыков в письмах своих уведомлял меня о странных и необъяснимых переменах его поведения и нрава. Он вдруг забыл почти французский, который знал сизмальства, стал совсем почти равнодушен к религии, мало интересуется делами гатчинского своего семейства; зато стал удивительно много читать и усердно занимается языками. Но, что совсем уж удивительно, господин Александр вдруг начал разговаривать на темы, совершенно неподходящие его юному возрасту! Толкует о войне и мире, – и не просто играет в солдатики, это не диво, – а именно что о делах международного значения, о стратегии, о полководческом деле; вдруг интересуется экономикою, статистикой, торговлей; наипаче же – научными открытиями и промышленными усовершенствованиями. Сие одно уже кажется невероятным; но теперь случилось и большее! Сейчас он признался мне, что видел провидческий сон, на предмет, касаемый внешних сношений Российской державы. Я бы отнеслась к сему, как к безделице, и не стала с вами об этом говорить, но он – наследник престола! Вы знаете, сколько разной сволочи крутилось вокруг цесаревича Павла Петровича, (тут Самборский машинально кивнул), как разного рода проходимцы и масоны старались завлечь его в тенета. Я менее всего хочу, чтобы и с внуком

моим случилось то же! Вы его духовник, вы знаете состояние его ума более даже, нежели я. Мне кажется, я сегодня встретила совсем другого ребёнка, чем того, что оставила полгода назад! Скажите мне – что сие означать может?

Самборский, до того внимательно слушавший императрицу, понял, что надобно уже отвечать ей.

– Прежде всего, государыня императрица, позвольте заметить, что отроки в этом возрасте могут очень сильно меняться. Они растут, впитывают всяческие впечатления; опять же, в зиму эту у обоих братьев были серьёзные болезни. Что же относительно видений...

Екатерина, слушавшая его и так очень внимательно, тут даже подалась вперед.

– Про видения свои Его Высочество поведал мне во время нахождения нашего в Коломенском. Мы, и правда, много разговаривали с ним об этом, и я пришёл к выводу, что это его визионерство, столь внезапно открывшееся, не должно быть ни происками Врага Человеческого, ни внушением злонамеренных лиц. Возможно, – я не могу утверждать этого наверное, но – возможно, это действительно боговдохновенное свидетельство! История знает тому примеры – Иоанна дАрк, предрекая победу французского короля в войне его с Плантагенетом; Мишель Де Нотрдам, и некоторые другие...

– Ах, Андрей Афанасьевич! – прервала его Екатерина. – Вы знаете, что боюсь я не рогатого чёрта, а токмо людей, успешно подражающих Дьяволу! Много их, – мартинисты, спиритуалы, масоны, розенкрейцеры, теперь еще и месмеризм появился... Уже пытались завлечь в свои сети сына, и лишь усердием верных моих дворян не преуспели. Вы и сами знаете, как, в бытность Павла Петровича в Париже, обхаживала его эта публика; и, по сю пору не оставляют попыток тех. Вот чего опасаться надобно! Не могло ли быть на Сашу чьего-то вредного влияния? Мне страшно о сём подумать: ведь это должны быть те, кто достоверно знает о близящейся войне! Не может ли это быть влияние мосье Де Ла Гарпа?

Самборский, подумав, медленно покачал своей рано начавшей сидеть головой.

– Такого не замечено. Сам Александр никогда не упоминал господина Ла-Гарпа в такой связи. Не думаю, что он мог бы утаить это: ведь он ещё ребенок! Опять же, названный Ла-Гарп служит уж не первый год: наверное, мы заметили бы перемены много ранее!

– Да я тоже сему не верю, – горячо воскликнула Екатерина. – Господина Де ла-Гарпа с самой лучшей стороны рекомендовали люди, доверие к которым несомненно! Но, право же, я не знаю, в какую сторону и думать!

Кажется, она готова была заплакать; но, вместо этого, императрица взяла табакерку и достала щепотку душистого табаку.

– Знаете, что ещё поразило меня сегодня... Я ведь этого мальчика с рождения знаю. Я всегда всю душу его с лица читала, как открытую книгу. А теперь не так – смотрю на него, и не понимаю ничего, будто бы он личину одел. Андрей Афанасьевич! – Екатерина вдруг приняла просительный тон, несказанно удививший Самборского. – Я умоляю вас: будьте бдительны! Бдите, не спуская глаз, ведь речь идёт о наследнике престола Российской державы! Вы знаете, я возлагаю на него огромные надежды!

В глазах её мелькнули слёзы: никогда еще Самборскому не доводилось видеть ее такой встревоженной.

– Сделаю всё возможное, Ваше Императорское величество! – воскликнул отец Андрей, и, приложившись к ручке императрицы, вышел, взволнованный до глубины души.

Оставшись одна, императрица некоторое время сидела в задумчивости; затем призвала к себе статс-секретаря Безбородко.

– Александр Андреевич, ты ведь, я знаю, не масон, как Храповицкий; давай, хоть тебе уже и не по чину, напишем с тобою письмо на имя Салтыкова Николая Ивановича, касательно воспитания цесаревича Александра.

Тот приготовил бумагу и перо; императрица, медленно, тщательно обдумывая каждую фразу, продиктовала:

– Любезный граф, Николай Иванович!

Ныне, встретив воспитанников твоих, Александра и Константина Павловичей, заметила многия перемены в поведении и наклонностях старшего из них. Ты уже мне про то писал: но не думала я, что настолько он изменился. Сие явление необъяснимое надобно, однако же, разъяснить. Приставь к нему тесно племянников своих, наблюдай, нет ли тлетворных каких влияний на сей неокрепший ум. Непозволительно дать овладеть умом юного Александра проходимцам-мистикам и всяческим шарлатанам; следи за этим туце прежнего, не исключая и учителей его. Пока мы в Москве, проследи, чем занят мосье Де Ла-Гарп, и нет ли у него каких непозволительных связей. Александру Яковлевичу я сама внушение дам.

Е к а т е р и н а

Дано в Москве, 23 июня 1787 года.

Закончив это дело, Екатерина стала почти совершенно покойна. Она приняла решение, что и как предпринять, а значит, дальше дела пойдут своим чередом.

– Отправь скорее, Александр Андреевич. Пусть Николай Иванович проследит, с кем там якшается этот господин республиканец!

– Может, отписать еще господину Шешковскому? – осторожно и тихо спросил Безбородко, сам внутренне холодея от собственных слов.

– Да нет, преждевременно. Уж очень крут Степан Иванович! Наломает он дров, а Ла-Гарп, между прочим, иностранец, и с многими видными персонами знаком. Сраму не оберешься... Нет. Впрочем, знаешь, любезный Лександра Андреич, напиши ещё князю Потёмкину!

Друг мой Князь Григорий Александрович.

Ныне приехала я к Москве. Недели две будем здесь, а там поедem к в Царское Село, так что пиши мне сразу туда.

Умножаются слухи о войне с турками, до того дошло, что уже внуки меня о сём спрашивают. Не могу сказать, что сильно того опасуюсь ибо начала я в уме сравнивать состояние мое теперь в 1787 с тем, в котором находилась при объявлении войны в ноябре 1768 года. Тогда мы войну ожидали чрез год, полки были по всей Империи по квартирам, глубокая осень на дворе, приготовления никакие не начаты, доходы гораздо менее теперяшнего, татары на носу и кочевья степных до Тору и Бахмута; в январе оне въехали в Елисаветградский округ. Всё было против нас, однакож и Молдавия и подунайские места заняты были в первой и второй кампании, взяли Бендеры и заняли Крым. Флот наряжен был в Средиземное море и малый корпус в Грузию.

Теперь дела наши неставненно лучшие. Граница наша по Бугу и по Кубани. Херсон построен. Крым – область Империи, и знатный флот в Севастополе. Корпуса войск в Тавриде, армии знатные уже на самой границе, и оне посильнее, нежели были Армии оборонительная и наступательная 1768 года. Дай Боже, чтоб за деньгами не стало, в чем всячески теперь стараться буду и надеюсь иметь успех. Я ведаю, что весьма желательно было, чтоб мира еще года два протянуть можно было, дабы крепости Херсонская и Севастопольская поспеть могли, такожде и Армия и флот приходить могли в то состояние, в котором желалось их видеть. Даст Бог, ещё обойдётся – помню, что при самом заключении мира Кайнарджийского мудрецы сумневались о ратификации визирской и султанской, а потом лжепредсказания от них были, что не протянется далее двух лет, а уж тринадцать лет минуло.

Если войну турки взаправду объявят, надеюсь на твое горячее попечение, что Севастопольскую гавань и флот сохранишь невредимо, чрез зиму флот в гавани всегда в опасности. Впрочем, меня одно только страшит, – это язва. Для самого Бога я тебя прошу – возьми в свои три губернии, в армии и во флоте всевозможные меры заблаговременно, чтоб зло сие паки к нам не вкралось слабостию. Я знаю, что и в самом Царе Граде язвы теперь не слыхать, но как она у них никогда не пресекается, то войска турецкие вечно её с собою развозят. Пришли ко мне (и то для меня единой) план, как ты думаешь войну вести, чтоб я знала и потому могла размерить по твоему же мнению тебя.

Не страшит меня состояние дел наших, ибо все возможное делается, не страшит меня и сила неприятельская, руководимая французами, понеже из опытов известно мне, колико коварство то было уже опрокинуто раз, но страшит меня единственно твоя болезнь. День и ночь не выходишь из мысли моей, и мучусь тем заочно невесть как. Бога прошу и молю, да сохранит тебя живо и невредимо, и колико ты мне и Империи нужен, ты сам знаешь.

Е к а т е р и н а

Дано в Москве, 23 июня 1787 года.

– Отправь Светлейшему, в Екатеринослав. Даст бог, всё хорошо будет. У него ума палата, справится... Только бы не чума!

Пока императрица отдыхала с дороги, меня посетил господин Болотов. В один прекрасный день Протасов сообщил мне, что некий дворянин прибыл на встречу со мною.

Андрей Тимофеевич Болотов оказался очень немолодым господином с простым русским лицом, сплошь изрезанным мелкими морщинами, как это бывает у людей, много времени проводящих на солнце и ветре. Такое лицо всегда отличишь от дряблых морщин, вызванных жирными складками дряблой кожи; нет, это лица людей, выдубленные солнцем и зноем, отшлифованные морозным зимним ветром, закалённые невзгодами и зимнею стужей. Взгляд его, полный здавомыслия, простой, но твердый, не имевший даже намека на возможность какого-то подбострастия или лести, выражал сейчас внимание и умеренный скептицизм.

– Господин Болотов, здравствуйте. Душевно благодарю вас, что вы любезно проделали такой длинный путь для встречи со мною!

Взгляд Болотова от этой нарочито любезной тирады совсем, однако же, не смягчился. Казалось, внутренне он вопрошал самого себя: «Путь-то я, мил человек, проделал, да не зря ли?»

– Я вот о чём хотел с вами поговорить... В Богородицких поместьях, как я слышал, вы принялись выращивать новые культуры. И что получается у вас с картофелем?

Лицо у Болотова, наконец, прояснилось. Видимо, он был рад, что разговор касается близкого и понятного ему предмета, а не «бог его знает чего пришло в голову этому мальчишке».

– Ростим помаленьку – хаврониям нашим на корм идёт. Да и много ещё куда!

– И как, получается?

– Урожаи хорошие, грех жаловаться. Конечно, сноровка нужна, как и в любом деле... Сажать нужно попозже, в прогретую землю, убирать вовремя, пока не подгнил, землю рыхлить, удобрять щедро. Прекрасная вещь!

– А крестьяне-то едят его?

– Теперь – едят, как увидели, что я сам им питаюсь. А раньше ни в какую, и в рот-то его не брали! Говорили, мол, что картошка сия рождается с головой и глазами, и употреблять ее в пищу – все равно, что есть человеческие души. Даже ямочки на картофельном клубне кличут «глазками»! А я вот его и варю, и жарю, и стружку делаю!

– «Стружку» – это как?

– Тонко порезанную картошку жарю, и, как еду куда-нибудь беру с собою. Вот даже и сейчас он у меня есть!

– А покажите!

– Сейчас, к тарантасу сходить надо!

– Ну, тогда потом посмотрю!

Я уже понял, что он изготавливает что-то вроде чипсов. Вот ведь, задумщик! Кулибин от сохи, можно сказать!

– Я вот вас зачем вызвал, Андрей Тимофеевич: слышал, крестьяне картофель не хотят растить, отговариваются всякими глупостями. А вот как бы их научить?

– Ну, я вот сам картофель ем, и людей им угощаю: и многие в Дворяниново, поместье моём, глядя на то, взялись его сеять. Опять же, распространял его и методом прусского короля: ставил под охрану поле, чтобы люди глядя на то, интерес к сим посадкам проявляли.

– Я уж про то наслышан был и думал, но ведь так всю Россию не научишь: мы ведь несколько просторнее Пруссии. Не все ведь мимо вашего поместья ходят!

– Это точно, – вздохнул Болотов.

– А если вот как поступить...

И я изложил ему свои мысли на сей счёт. Раздумывал я об этом уже немало, так что поговорить нам было о чём!

– Ну, что скажете?

– Должно получиться, – произнес Болотов, глядя на меня уже совсем иными глазами.

– А сколько денег вам понадобится для, хотя бы, Тульской губернии?

– Бесплатно сделаю, голубчик Александр Павлович! Бесплатно! Уж на Тульскую-то, и своих средств хватит! А там посмотрим, может быть, окупится дело, так своекоштно и далее пойдёт!

– Ну, на своем кошту далеко не уедешь, я так думаю. Вы посчитайте, прикиньте, и дайте знать, сколько и чего вам нужно для этакой службы.

– Всенепременно! Очень я рад, что наследник престола к хозяйству имеет такой интерес, и подходит к сему предмету с тщанием и выдумкою!

– Я тоже рад знакомству с вами! Ещё раз спасибо, что приехали, Андрей Тимофеевич!

– Не за что, Ваше Высочество! Я давно хотел в Коломенское наведаться, посмотреть местные аптекарские огороды!

– Вы и лечением занимаетесь?

– Да, постоянно! Лекарственные травы в этом деле очень нужны! Я и у себя в поместье много чего выращиваю, и вот, подглядываю, как люди делают!

– Ну, может, дойдёт и до этого. А пока, Андрей Тимофеевич, попробуйте с картофелем!

Интерлюдия

Два месяца спустя

В один погожий осенний день народ уездного города N собирался на какое-то совершенно необычное, невиданное доселе зрелище: «презентасьон», сиречь, выставку. Посреди небольшой городской площади стояла коляска с опущенным верхом, а в ней стоял крепкий, как палка, прямой старикан, сразу видно, из отставленных офицеров. Тут же рядом пара помощников его разожгли большой костёр, на сухую, без раствора, кирпичами выложив подобие очага, и водрузили на него большущий котел, в котором что-то варилось. Тут же на огне стояла пара большущих противней, на одном из которых уже шкворчало сало.

– Подходите ближе, всякого рода-звания люд, расскажу вам я, как быть сыту без круп! Вот – картошка, хоть куда, первосортная еда! Ну так, слушайте, сюда! – прокричал громогласный лакей-глашатай, и пожилой барин, степенно оглядевшись, начал рассказывать, что это за «картошка», как её сажать, как растить, и вообще, всякую всячину.

Народ относился по-разному: кто слушал, и вполголоса говорил одобрение, кто принимался к ароматам, возносящимся от противней и котла, а кто и, похохатывая, отходил, недоверчиво крутя головой. Такие собирались поодаль в кучки, обсуждая, как дурят нынче народ.

– Вот же рассказывает, – «тыща пудов с десятины»! Врёт, как сивый мерин! Не бывает такого, даже капуста столько не даст! – возмущался один, жёлчный, тертый жизнью старикашка в суконном картузе с редкими зубами, с виду какой-то бывший мелкий служака.

– Да нельзя это есть, отрава одна и пакость! – поддержал его плотный, крепкий среднего возраста крестьянин, до самых глаз заросший черною бородою, сквозь которую проступала румяная кожа щёк.

– Господа разве путное расскажут? От них блуд один, враньё непрерывное! – вставил своё веское мнение едущий с мельницы мужик.

Вдруг среди этой картофельной оппозиции нарисовалось новое лицо.

– Эт точно! – бесцеремонно заявил рыжий мужичонка с настырною и хитрой рожей, влезая в кружок и бесстыже пялясь на всех серо-зелеными глазами с бесцветными ресницами. – Вы его не слушайте. Я этого хмыря, как облупленного, знаю!

– Да ну?

– Да шоб я сдох! Я же кучер евонный! Уж я-то про него всё-всё-всё, всю до донышка подноготную ведаю!

– Ну, и што? Что за хрен с горы народ тут баламутит? – сразу плотно обступили мужичка любопытные.

– Он царскими поместьями управляет, в Богородицке. И дала ему царица указ – выращивать энтот земляной хлеб, сиречь картофель, и сдавать в казну. И никому никогда его не показывать и не продавать! Всё в казну, исключительно! Поля с часовыми охраняют, только бы никто сей плод не стырил, а он, вишь, гад, всем тут и растрепал, козлиная!

– А шо за вещь-то сия? Полезного свойству? – деловито осведомился бородастый крестьянин.

– Нашему брату такое и даром не надоть! Господская забава! – бодро отозвался рыжий мужичок. – Вы меня слушайте, я всю правду расскажу!

– А звать-то тебя как, мил человек?

– Кузьмою кличут. Кузя, то есть! – отозвался тот. – А что мы тут, ребята, зазря трёмся? Пойдемте вон в заведение – и по кузиной хитрой ухмылке все поняли, про какое именно заведение речь.

– А, и пойдём! Воскресение – божий праздник, чай, можно и принять помаленьку! – загудел народ, и толпа, заметно увеличившаяся, потянулась в приземистое строение под казенным «орлом», исстари обозначавшим питейный дом.

Народ, взойдя внутрь, обступил говорливого кучера, приготовившись слушать всякое интересное про странного барина с его «выставкой». Были тут люди всякого звания, и крестьяне, и возчики, подмастерья, из мещан кто-то; даже баба одна затесалась, хотя женскому полу по таким местам ходить неприлично.

– Ну, так что, Кузя, что за секрет-то ты знаешь? – начал приступать народ.

– А, давайте-ка хоть шкалик возьмём, а то, что мы тут, просто так-то? Половые нас погонят ведь! – весьма резонно заметил Кузя, подмигивая бородатому мужику.

– Да что там – шкалик, это понюхать только! Давай хоть четверть!

– Давай, давай, – зашумел народ; тут все скинулись посылно, и на дощатом столе появились и четверть хлебного вина, и даже некоторая закуска. Рыжий мужичонка ловко опрокинул чарку, занюхав её рукавом, и весело обвёл взглядом собравшихся.

– Дак, вот, значит, как дело-то было. Поставила царица энтотго барина надзирать за её поместьями. Чин дала ему: енерал-аншеф! Жалование положила ажно пять тыщ в год! Да

выдала ему эту самую картоплю... Налевай ишшо, промежду первой и второй перерывчик небольшой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.